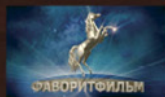


FILM.UA



ФАВОРИТ-ФИЛЬМ

режиссеры Владимир Краснопольский, Валерий Усков  
ПРЕДСТАВЛЯЮТ

ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМЫЙ СЕРИАЛ

# ДОМ С ЛИЛИЯМИ

Елена Арсеньева

(по мотивам сценария Марии Бек и Елены Бойко)



## ЧУЖАЯ ДОЧЬ

Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»

Елена Арсеньева

**Чужая дочь**

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Арсеньева Е. А.**

Чужая дочь / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2015 — (Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»)

Красавице Маргарите Говоровой повезло – она дождалась своего мужа с войны! Но радость встречи омрачил ребенок, которого привез Михаил. Лиля, дочь его походно-полевой жены, будет теперь жить в их доме. Да, умеют мужчины думать только о себе... К такому выводу пришла Маргарита, когда в ее доме, в роли прислуги, появилась та самая Тася. Которая, оказывается, не погибла при бомбежке – как считал до сих пор влюбленный в Тасю Михаил Говоров...

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е. А., 2015  
© Автор, 2015

# Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# **Елена Арсеньева**

## **Чужая дочь**

© Арсеньева Е., 2015

© ООО «Медиа Фильм Интернешнл», сценарий, кадры из сериала, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

\* \* \*

## Часть первая

Михаил Говоров впервые увидел свою дочь ясным весенним днем 1946 года.

Лишь только его «Виллис» повернул на аллею, ведущую к детскому дому, как навстречу с криками «Стой! Пароль!» бросились мальчишки, вооруженные сломанными автоматами. Это не удивило Говорова, как не удивили противотанковый «еж» вместо ворот, брошенные там и сям бочки из-под горючего, покореженный кузов немецкого грузовика, поношенные солдатские пилотки на головах мальчишек. И даже граната в руках одного из них. Война закончилась так недавно, и оружия в иных лесах «росло» больше, чем грибов. Ну а отзыв на пароль мог быть, конечно, только один...

– Победа! Победа! – крикнул Говоров, и «часовые» пропустили «Виллис».

Впрочем, снова разогнаться машине не удалось: и дорога, развороченная тяжелой техникой, была ухаб на ухабе, и оборванные, стриженные под «нуль» мальчишки бесстрашно висли на бортах открытого, без тента, «Виллиса».

Говоров оглядывал огромный парк и старинную усадьбу, в которой размещался детдом: окна забиты досками, на деревьях и стенах следы пуль, от мраморных статуй остались только безголовые и безрукие останки... А вот у этой, наоборот, ноги на месте, а все остальное снесло снарядом.

– Мне бы заведующую найти, – сказал Говоров, с трудом выбираясь из машины и опираясь на палку, без которой вот уже год после ранения не мог и шагу ступить.

– Я провожу! – вызвался тощий веселый парнишка и сразу пристал с насущным вопросом: – Дяденька, а вы Сталина видели?

– Видел, видел, – рассеянно ответил Говоров, оглядывая мельтешащую вокруг детвору, словно надеялся вот прямо сейчас увидеть ее, Лилю...

Хотя вряд ли она будет помогать мальчишкам пилить дрова или понесет с девочками узлы белья в стирку: ей же еще только два года!

– А пистолет у вас есть?

– Есть пистолет...

– А пострелять дадите?

– Пострелять? Нет, пострелять – это опасно.

– А на танке вы ездили?

– Ездил. И на самолете летал.

...Дочери Говорова уже два года, а он узнал о ее существовании лишь на днях. И заодно узнал о том, что ее матери больше нет в живых.

Одну – потерял. Другую – нашел. Такова жизнь...

Такова война.

Заведующая детдомом, немолодая изнуренная женщина с усталым лицом, первым делом показала потертую фотографию. Капитан Говоров – моложе себя нынешнего, подполковника, на три года, а веселее и счастливее настолько, что он сам не сразу узнал свое лицо. Рядом – девушка в пилотке и гимнастерке, с пышной русой косой.

Он и она. Миша и Тася. Два человека, полюбившие друг друга на войне и разлученные этой войной навеки.

– Михаил Иванович...

Говоров поднял глаза. Заведующая смотрела сочувственно. Она все понимала. Понимала, что на войне всякое случается! Даже любовь.

А от любви рождаются дети. И какое же счастье, если у этих детей есть родители.

Или хотя бы кто-то один из них...

– Михаил Иванович, вот это было на девочке.

Заведующая протянула ему медный крестик на черном шнурке.

– Я, конечно, его сняла и спрятала. Сами понимаете... Узнаете?

Говоров взял крестик. Шнурок обвился между пальцами.

...Тася, конечно, прятала крест под гимнастеркой. Но когда на минуточку прибежала к Говорову в блиндаж и они падали на его нары, или тайком встречались в медсанбатовской землянке, или просто находили укромное местечко где-нибудь в кустах, крестик метался по ее груди, путался в волосах, обвивался вокруг ласкающих пальцев Говорова. Сам он, хоть и был крещен несмысленным, свой крест снял и выбросил, когда вступал в пионеры (все его друзья так сделали под плач матерей и вой бабушек), и равнодушно относился к «предметам культа», как это называлось. Но Тасин крестик был как бы частью ее тела, Говоров не мог даже представить Тасю без него!

И вот теперь крестик остался без Таси...

– Да. Узнаю, – кивнул Говоров.

– А это, – заведующая подала ему помятый бумажный треугольник, – это то самое неотправленное письмо. По нему я вас и нашла... Извините, мне пришлось его вскрыть.

Говоров развернул треугольник со своим именем и номером полевой почты. Открылись строчки, написанные ровненьким почерком:

«Здравствуй, любимый мой Мишенька! У нас родилась девочка. Я назвала ее Лилечка. Надеюсь, ты не против...»

Он смотрел на карандашные буквы и словно бы слышал Тасин голос: «Здравствуй, любимый мой Мишенька!»

Раньше, когда он слышал ее голос, его сладкая дрожь брала, он ни о чем не мог думать, кроме ее губ, которые произносили эти слова!

«Здравствуй, любимый мой... любимый мой...»

Говоров свернул письмо:

– Где она?

Печальные, усталые, все понимающие глаза заведующей улыбнулись:

– Идемте.

Старинная усадьба, в которой помещался детский дом, была большой, просторной, но как же тесно там было этому огромному количеству детей, которых осиротила война!

– Кроватей не хватает, – бормотала заведующая на ходу, – дети спят по двое. Матрасы набиваем соломой. Так зиму и пережили. Здесь у нас младшая группа.

Могла бы и не объяснять. К ногам Говорова непрестанно липла малышня. Все дети, коротко стриженные, исхудавшие, кое-как одетые, казались ему на одно лицо, и голоса их звенели одинаковой надеждой, и твердили они одно и то же:

– Дяденька, ты мой папа? Нет, мой! Мой! Папа, заberi меня! Папочка...

Говоров с трудом переводил дыхание. Всякого повидал он на войне, но сейчас почему-то казалось, что не было в жизни ничего тяжелее, чем отводить глаза от этих детских глаз, в которых то вспыхивала, то гасла надежда, и слышать терпеливый голос заведующей:

– Нет, это не ваш папа. Но вас заберут, обязательно заберут!

В одной из комнат, уставленной двухъярусными железными кроватями, заведующая приостановилась:

– Девочка после контузии. Такая нервная... А главное, она совсем не говорит.

– Совсем не говорит? – ошеломленно переспросил Говоров.

А вокруг звенело снова и снова:

– Дядя военный, заberi меня! Ты мой папа? Заberi меня!..

– Вот ваша девочка, – сказала заведующая.

На руках у нянечки сидела малышка в белом платке. Платок был такой большой, что закрывал ее чуть ли не всю. Да нет, это не платок был большой, это девчушка была маленькая. Маленькая, с огромными светлыми глазами и родинкой на щеке.

Одетая в несуразное черное платьишко и валенки, она держала тряпичную куклу и равнодушно смотрела на Говорова.

«Почему она не говорит: «Ты мой папа? Забери меня!»? – мелькнула у Михаила мысль. – Ах да... она же не умеет говорить!»

– Лиля... Лилечка... – пробормотал он, осторожно садясь на кровать.

Светлые бровки девочки недоуменно сошлись на переносице. Она была так похожа на Тасю, что у Говорова сдавило горло. Эти светлые, серые, ясные глаза...

– Это твой папа, твой папа приехал! – шепнула нянечка, спуская девочку с рук.

Она смотрела насупившись, потом вдруг протянула Говорову куклу. Тот взял. Девочка подавала ему еще какие-то нелепые самодельные игрушки, которые лежали на кровати. Игрушки валились у Михаила из рук, так ему хотелось обнять дочь. А она, улыбаясь, вдруг полезла к нему на колени, как котенок, цепляясь за шинель.

Заведующая подняла упавшую палку.

– Ой, ручки какие холодные, – прошептал Говоров и, сдернув шинель, укутал в нее девочку.

Зазвенели медали, ордена – немало их собралось на груди Говорова, пока шел он военными дорогами! – и Лилия с любопытством уставилась на них.

Тряпичная кукла была забыта.

И Говоров всей душой пожелал, чтобы она так же быстро забыла и детдом, и все свои невзгоды.

Держа в охапке шинель, в которой шевелилась эта светлоглазая, отчаянно любимая девочка, Говоров пошел к выходу, приговаривая на все четыре стороны:

– Спасибо! Спасибо!

Заведующая спешила следом, хотела что-то сказать.

И Говоров вдруг испугался, что дочку ему не отдадут, ринулся со всех ног, бормоча:

– Спасибо! Спасибо! Мы сейчас домой поедem! Домой!

Заведующая протягивала ему палку, а Говоров и думать о ней забыл.

И все же она донесла и палку, и куклу до машины. Рана есть рана, палка пригодится. И кукла пригодится! Пока новую сошьют... В магазинах-то еще когда-а можно будет кукол купить!

«Виллис» умчался от детдома с такой скоростью, словно вез похищенное сокровище. Водитель Говорова, правда, крикнул вытянувшимся в воротах «часовым»: «Вольно!» – но Говоров как уткнулся лицом в беленький платочек на голове своей дочери, так и не поднимал головы.

Он дышал на ее головенку, прижимал к себе. Все казалось, что Лиле еще холодно.

Ну ничего! Теперь ей всегда будет тепло! Теперь у нее есть отец, который и согреет, и защитит от всех бед и невзгод.

А мама?..

Ну и мама у нее теперь есть!

Только маму зовут не Тася, а Рита.

Маргарита.



\* \* \*

Маргарита Говорова сидела перед зеркалом и осторожно снимала папильотки. Ее голова вся была в маленьких аккуратненьких беленьких бантиках, ведь папильотки – это не что иное, как самые обыкновенные узенькие тряпочки.

Ничего не поделаешь, мода требует, чтобы на лбу и на макушке волосы были завиты и уложены валиком, а сзади распущены по плечам. Или вообще закручены в узел и прикрыты сеточкой.

Волосы у Маргариты красивые, светлые, даже немножко золотистые, но гладкие, поэтому ежевечернее и ежеутреннее сидение перед зеркалом стало ее многолетней привычкой. Немножко утомительной, но что же делать, такова женская доля! Чтобы быть красивой, надо страдать, это всем известно.

Одна Маргаритина сослуживица с пеной у рта уверяла, что кудри на скрученных в трубочку бумажках от конфет получаются лучше, крепче и дольше держатся.

Маргарита не спорила. Конечно, лучше! Конечно, крепче! Конечно, держатся дольше! Но какие в нынешние времена могут быть фантики?! А накручивать волосы на кусочки газеты Маргарита не могла себе позволить. Все-таки муж у нее – военный политрук, сама она служит в отделе культуры, как же можно на передовицы «Правды» кудри навивать?! Да и не на передовицы тоже не стоит... Может быть истолковано как «политическая близорукость». Конечно, Маргариту в папильотках никто не видит, кроме сына Котьки и соседа по коммуналке Евсея Ильича, доктора из госпиталя, но мало ли... ляпнут где не надо по простоте души, потом бед не оберешься. Куда спокойней – эти беленькие тряпочки надо лбом. А чтобы кудри держались подольше, волосы надо укрепить отваром льняного семени, это всякому известно!

Нижние концы Маргаритиных волос лежат красивыми волнами именно благодаря льняному семени. Правда, они завиты не на папильотки, а раскаленными марсельскими щипцами, которые Маргарита раз в неделю одалживала у соседки сверху (свои собственные были потеряны в эвакуации, а раздобыть новые никак не удавалось). Но кудри надо лбом марсельскими щипцами не больно-то назавиваешь: в два счета или лоб прижжешь, или волосы спалишь.

– Мам, – донесся из соседней комнаты голос сына Кости, – я больше не пойду в детский сад!

– Это еще почему? – удивилась Маргарита.

– Там Лёлик плюется.

Маргарита со вздохом поднялась из-за туалетного столика, покрытого кружевной салфеткой, запахнула халат и вышла из спальни.

– Опять?

Сын вздохнул.

Маргарита поджала губы. Она бы собственноручно прибила этого Лёлика, который не давал житья ее сыну. И имя, главное, какое-то дурацкое! Лёлик... на самом деле самый обыкновенный Лёшка. Что за манера коверкать имена?!

То, что сама Маргарита называла своего сына Котей, казалось ей совершенно естественным.

А что такого? Всех Костей испокон веков Котями называют! Но Лёлик... это ужас какой-то!

– Ну вот что, – сказала Маргарита, надевая на сына вельветовую курточку, которую тот снял в знак протеста, – если Лёлик не понимает слов, возьми и сам плюнь на него.

Костя посмотрел на маму исподлобья, недоверчиво. Неужели она говорит серьезно?

– Да-да, – решительно кивнула Маргарита, и кончики папильоток на ее голове затрепетали, словно крошечные белые крылышки. – Я тебе решаю.

Костя немедленно представил, что он сделает с Лёликом. Хорошо бы слюны набралось во рту побольше! Может, уже сейчас начать ее копить и не глотать? Хотя нет, тогда будет невозможно разговаривать. А жаль... Ну да ничего, можно же плюнуть не один раз, а несколько!

И только Костя представил себе картину страшной мести, которая вскоре настигнет вредного Лёлика, как раздался звонок в дверь.

Один звонок длинный и три коротких. К кому это пришли, интересно? Если бы к ним, к Говоровым, позвонили бы один раз. К соседу Евсею Ильичу – два. Около двери снаружи было вывешено объявление, кому сколько раз звонить. Такие объявления висели около всех квартир: «Ивановым звонить два раза, Петровым – один, Сидоровым – три...» – ну и тому подобное.

А как иначе? Чтобы все соседи разом не бросались открывать. Или наоборот – никто не выйдет, будет думать, что к другому пришли. Конечно, если ты живешь в собственной квартире один, ты о таких мелочах не думаешь. А в коммуналке столько этих беспокойных мелочей!.. Еще хорошо, что у Говоровых только один сосед, доктор, – тихий, вежливый, бывший фронтовик.

Ох-хо-хо, сейчас уже все фронтовики – бывшие, все вернулись домой. Кажется, один только Говоров, муж Маргариты, все еще где-то бродит в каких-то чужих краях! Иной раз она думает: а вернется ли Михаил вообще? Может, нашел себе там другую... Впилась какая-нибудь как пиявка, обвилась как змея. Сейчас, когда столько мужчин поубивали, женщины на одиноких мужиков бросаются как львицы! Говоров, конечно, женат, но ведь чего только в жизни не бывает! Как бы не получить однажды вместо долгожданной телеграммы: «Встречай тогда-то, поезд такой-то, вагон...» – письмо со словами: «Дорогая Маргарита, я, конечно, очень виноват перед тобой, но...»

Глупости какие! Чего только не поналезет в голову одинокой, истосковавшейся по мужу женщины!

Звонки снова рассыпались трелью. Маргарита резко тряхнула головой и ринулась открывать дверь. Евсей-то Ильич пока доковыляет...

– Кто это там в такую рань? – спросил сосед, выглядывая из кухни.

– Да, наверное, управдом, карточки принес, – сказала Маргарита и повернула защелку замка.

Не управдом.

Какой-то мужчина в военной форме. А она в халате, в папильотках!

Маргарита торопливо прикрыла дверь, досадуя, что вот так выскочила, не подумав... И вдруг задохнулась, сообразив, что там, за дверью, – ее муж! Михаил Говоров! Михаил!

Да нет, не может быть...

Рванула дверь, смотрела недоверчиво, заново узнавая это почти забытое лицо. Он... Совсем другой! Совсем такой же!

Говоров потянулся обнять, но Маргарита все рассматривала его, коротко всхлипывая и судорожно улыбаясь, быстро касаясь его шинели, потом чуть не упала, увидев палку, на которую он опирался, и все бормотала:

– Ох... ох...

И наконец-то бросилась на шею, прижалась, радостно застонала, ничего не соображая, так ни слова и не сказав, дрожа счастливой дрожью, а Михаил гладил ее спину и приговаривал:

– Ну все, все, Рита, Риточка, я вернулся! Я дома!

Они только собрались поцеловаться, как снизу раздался важный голос:

– Дядя, а у меня вот – зуб выпал!

Говоров опустил глаза. Какой-то темноглазый мальчишка дергал его за полу шинели и тыкал пальцем в свой ротишко с темной дыркой между зубов.

– Ох! – Маргарита не то заплакала, не то засмеялась, обняла мальчишку и привлекла к себе. – Ох, Котик, это же наш папа с войны вернулся...

Говоров даже покачнулся, глянул недоверчиво.

Котик? Костя? Сын?!

Схватил его, оглядел всего, держа на вытянутых руках: волосы светлые, Маргаритины, глаза темные – его, Говорова... Сын!

– Константин, вырос! Сынок! Золотой ты мой!

Прижал к себе.

Костя еще успел гордо сообщить:

– Мне уже шесть лет! – А потом заорал: – Папка, родной! – да так и припал к отцу.

Маргарита, державшая палку Говорова, вдруг спохватилась, запахнула халат, схватилась за папилютки:

– Ох, что же это я!

И улетела в комнату.

Говоров поставил сына на пол, смотрел восхищенно, как на чудо какое-то:

– Совсем вырос... Мужик!

– С возвращением, Михаил Иванович, – негромко сказал сосед, стоявший в дверях кухни.

– Соседушка! Евсей Ильич! – радостно кинулся к нему Говоров. – Живой!

– Как видишь. Правда, немного подремонтированный – осколком прошло еще под Курском.

Он показал кожаную варежку, прикрывавшую ампутированную кисть.

– Под Курском? Обидно... – сочувственно сказал Говоров. – Но главное ведь, что живой. Верно?

Стук каблучков прервал их разговор. И Говоров ошарашенно уставился на возникшую в дверях Маргариту.

Она сняла папилютки и уложила свои чудесные волосы, переделалась во что-то такое шелестящее, шелковое, серебристое, в вырезе платья была видна грудь, огромные глаза сияли, губы цвели улыбкой, и Говоров разволновался вдруг, как мальчишка, при виде этой красоты.

Он и забыл, как красива Маргарита! И эта грудь в вырезе...

А Маргарита все одергивала наряд, поправляла волосы, бормотала что-то вроде: «Твое любимое платье... Я похудела, да?», волновалась до дрожи, как девчонка на первом свидании.

Она и забыла, как же это волнует, когда на тебя смотрят глаза мужа... любимого и любящего, да! Все мысли о каких-то там змеях, пиявках и львицах вылетели из головы!

Ох, как он смотрит!.. Конечно, истосковался по жене. И Маргарита истосковалась по нему! Так и кажется, что сейчас схватит в охапку и утащит в постель. Нет, конечно, сейчас нельзя, ведь рядом Котя и Евсей Ильич, а ей пора на работу. Но вечером! Но ночью...

По телу Маргариты пробежал блаженный озноб! И тут в дверь протиснулся какой-то неказистый солдатик лет пятидесяти с маленькой девочкой, которую он ловко держал одной рукой, и большим чемоданом в другой руке.

Наверное, это шофер, который принес вещи Михаила, сразу догадалась Маргарита. Что в чемодане?.. Ни один офицер еще не возвращался с фронта с пустыми руками! Вон, у той Маргаритиной сослуживицы, которая всем уши прожужжала про папилютки из бумаги, появились такая горжетка и такое платье из синего панбархата, что умереть можно! Догадался ли Михаил привезти панбархат? Маргарита совсем обносилась за эти годы! А любимое платье мужа, которое она умудрилась сберечь, – это же просто тряпка тряпкой! Неужели она наконец-то оденется как человек?!

А интересно, у Михаила один чемодан? Или внизу еще остались? Неужели их бросили без присмотра?..

Ой, о чем она только думает?!

– Ну вот, добрались! – улыбнулся солдат. – Гвардии старшина Семенов!

Маргарита закивала, заулыбалась, а Говоров сказал:

– Знакомьтесь, это – Егорыч, мой ординарец и шофер, всю войну вместе прошли.

– Здравия желаем! – сияя улыбкой, отчеканил старшина.

– С Победой! – воскликнула Маргарита, растерянно прикидывая, останется ли ординарец ночевать или отправится в казарму. Хотя у него же ребенок, не может же он остаться с ребенком, что за ерунда!

Не о чем волноваться!

– Девочка какая хорошенькая, – великодушно произнесла Маргарита. – Ваша?

– Конечно! – радостно кивнул старшина, однако в это мгновение к нему подошел Говоров и ляпнул нечто несусветное:

– Это моя дочь. Ее зовут Лиля.

Маргарита хлопнула глазами. Улыбка стала неуверенной:

– Не совсем поняла... В каком смысле? Приемная?

Говоров и старшина переглянулись. Потом Говоров посмотрел на жену и, помедлив, сказал:

– Нет. Родная дочь.

Маргарита недоверчиво качнула головой. Старшина протяжно, сочувственно вздохнул.

Маргарита почувствовала, что улыбка примерзла к губам. Она ничего не могла сказать, ничего не могла понять.

Да что тут понимать-то? Львицы, змеи, пиявки!

Вот оно как!

Попятилась от Говорова, схватила за плечо Костю, втокнула в комнату.

– Мам, ты чего, там же папа? – обиженно вскрикнул мальчик.

Но дверь уже закрылась.

Говоров качнул головой.

Он знал, что это будет трудно, но...

– Да ладно, товарищ политрук, – пробормотал Егорыч. – Все уладится! Куда ж деваться-то!

– Да-да, – рассеянно ответил Говоров. – Деваться некуда, это точно.

\* \* \*

Маргарита не знала, как она пережила этот день. Ветровск – город небольшой, слухи о возвращении подполковника Говорова мигом разнеслись, и, стоило ей переступить порог, как две сослуживицы, с которыми Маргарита делила кабинет, набросились с поздравлениями. Их-то мужья давно вернулись, и обе женщины были искренне рады за Маргариту. Однако она видела, что их глаза светятся не только радостью, но и неутоленным любопытством: что это за девочку привез Говоров с собой? Неужто удочерил какую-то сиротку?

Про себя Маргарита уже твердо решила, что именно так и будет отвечать на каверзные вопросы. Удочерил, да! Подобрал из милости! Однако никаких вопросов никто не задавал, и она целый день сидела как на иголках: почему ничего не спрашивают? Неужели слухи о том, что это за девчонка, уже расползлись по городу? А что такого, ведь утренняя сцена приключилась при Евсее Ильиче, а он вполне мог сболтнуть в госпитале кому-то из врачей или, что еще хуже, из медсестер... Ну и пошло-поехало!

Говоров, Говоров, ну что же ты натворил?! Как же ты мог воспитывать своих подчиненных, товарищ политрук, если сам гулял напропалую с какой-то девкой?! А может быть, это была такая полковая подстилка, которая никому не отказывала, ну и Говоров поступил как все?

Ревность ела Маргариту поедом... ревность к той женщине, с которой блудничал Говоров, когда Маргарита засыхала от тоски по нему. И чуть ли не больше жалила ревность к этой немой, стриженной наголо, чужой девчонке.

Нет, Говоров, должно быть, рехнулся, если решил, что жена спокойно воспримет появление этой «родной дочери»! Маргарита ему... Она ему еще устроит!

К вечеру Маргарита твердо знала, что именно устроит мужу.

Она его к себе не подпустит, вот что. Пусть помучается. Конечно, потом Маргарита сжалится над ним (и над собой!), но не раньше чем Михаил даст слово, что этой, как ее там зовут, в их доме больше не будет.

Пусть увезет ее в детдом. Ладно, Маргарита не станет возражать, если муж иногда будет навещать девчонку, но чтобы в квартире и ноги этой Лилики не было.

Лилия, ну и ну! Интересно, кто имя ей придумывал? Неужели сам Говоров? Ну и шутник... решил целый цветник завести? Ну так вот: довольно будет с него одной маргаритки, а лилии – выполоть!

Маргарита не сомневалась в успехе своего замысла. Глаза мужа скользили по ней с такой жадностью! Пока ужинали, он так нетерпеливо ерзал на стуле!.. На все, конечно, согласится, только бы заполучить в свои объятия жену. Так и быть, девчонка здесь переночует, но завтра утром ее увезут, это точно!

Наконец-то уехал водитель, этот Егорыч, который, конечно, был в курсе всех похождениях своего начальничка. Маргариту не оставляло ощущение, что Егорыч исподтишка ее разглядывает и, очень может быть, сравнивает с той... с другой.

Или с другими? Сколько их было, интересно знать?

Маргарита накручивала себя весь вечер.

Сидя на кровати сына и ласково поглаживая его по голове, напевая его любимую колыбельную «Ах ты, котенька-коток, котя серенький хвосток», она вдруг поперхнулась на словах: «Не ходи ты, коток, по чужим дворам, не качай ты, коток, чужих деточек, малолеточек!»

Чужая деточка-малолеточка лежала на раскладушке, которую Маргарита поставила рядом с кроватью сына, и внимательно слушала колыбельную. Котя уже уснул, а она все лупала глазницами, уставившись в стенку.

«Взгляд какой тупой! – с ненавистью подумала Маргарита. – Контуженая! Ненормальная! Ну уж нет!»

Она погасила маленький светильник над Котиной кроватью, расправила ширму и быстро прошла через комнату.

– Рита... я вот подарки из Германии привез...

Говоров стоял над раскрытым чемоданом, и Маргарита мигом заметила великолепную чернобурку, несколько отрезков: шерсть, сукно, а панбархата все же нет, зато какое великолепное шелковое белье! – облизнулась скрытно на обновки, однако лицо ее по-прежнему хранило то же хмурое, обиженное выражение, которое Говоров мог наблюдать весь вечер.

Маргарита вошла в спальню, прижалась к стене, сложила руки на груди.

– Да ты посмотри хотя бы, – пробормотал Говоров, входя следом.

Интересно, а какими подарками заваливал он эту... эту?.. Может быть, у нее и остался отрез панбархата, о котором мечтала и который не получила законная жена?

– Кто она? – процедила Маргарита сквозь зубы, обжигая мужа презрительным взглядом. – Ну, эта... Слова не подбираю!

Говоров горестно вздохнул, покрутил головой, но ничего не ответил.

Маргарита отвернулась. Смотреть противно!

Невыносимо на него смотреть!

– Значит, Говоров, повоюем, постреляем, шашкой помашем и прыг под юбку?

– Осади, ну осади, Рита, – со страдальческим выражением молвил Говоров, прикрывая двери спальни. – Детей разбудишь!

«Детей!!! Да у тебя один сын, один!» – чуть не закричала Маргарита, но нашла в себе силы промолчать.

Михаил встал перед ней. Вид у него был виноватый до того, что Маргарите на миг стало жаль мужа. И тут же обида пересилила все остальное.

Герой! Орденов и медалей не сосчитать у храброго вояки, а под этими медалями – кто? Потаскун, больше никто!

У нее в голове мутилось от злости, стоило представить, как Говоров нетерпеливо подминает под себя чужое женское тело.

Маргарита тут... одна... даже взгляда в сторону не позволяла себе, а он там валялся с кем попало!

Хотелось ударить его побольнее. Нет, не пощечину отвесить – словами отхлестать.

Пригасила огонь ненависти в глазах, отклеилась от стены, пошла к мужу, с наслаждением наблюдая, как у него в глазах появляется недоверчиво-счастливое выражение. У Михаила аж руки дрогнули, он уже потянулся было к Маргарите.

Ну да, решил, что она сейчас ему на шею бросится, всплакнет по-бабьи, прощая блудника-муженька, – и...

Нет! Нет уж, Говоров еще не получил своего. И Маргарита еще не поторговалась как следует за свое прощение!

– Жди меня, и я вернусь, только очень жди? – Она хотела улыбнуться ехидно, но вместо этого на глаза навернулись слезы.

Кончились силы сдерживаться!

– Я тебя так ждала, Миша! Ты понимаешь, что твой ребенок недоедал? Я одна с маленьким ребенком... Гос-споди!

Слов не было. Остались только слезы. Маргарита отвесила мужу одну пощечину, другую...

Он только вздохнул.

Маргарита отвернулась, громко всхлипывая.

«Какого ж ты черта, Егорыч, говорил, что все уладится?» – в изнеможении подумал Говоров. – Не улаживается ведь!»

– За то, что дождалась, – спасибо, – неловко сказал он, делая шаг к жене. – Прости, прости... я виноват.

Маргарита утерлась ладонью, как кошка лапой.

«Поплачет – может, успокоится?» – с надеждой подумал Говоров.

Но нет... так легко отделаться ему была не судьба!

– Полковая? – прорыдала Маргарита. – Военно-полевая? Шлюха!

– Не смей! – напрягся Говоров.

– А я – смею! Смею! – прошипела Маргарита. – Партия родная, интересно, куда смотрела? Ну ничего, ничего! Теперь эта дрянь узнает – от меня! – как любовь крутить с чужими мужьями!

– Хватит! – Говоров рывкнул так, что Маргарита отшатнулась. – Хватит об этом! Не узнает она!

Маргарита презрительно скривила губы: «Ну, муженек, ты меня еще плохо знаешь! Я ей проходу не дам!»

– Нет ее больше! Погибла! – хрипло добавил Говоров и, тяжело припадая на ногу, вышел в другую комнату.

Маргарита, чуть не захлебнувшись радостью (небось с мертвой соперницей воевать легче, чем с живой, вот так ей и надо, этой потаскухе!), осторожно подсматривала в щелку.

Наверное, теперь можно и притормозить. Осадить, как это называет муж.

Сейчас он пойдет на кухню курить, Маргарита пойдет следом, предложит чаю, встанет рядом, он положит ей руку на плечо – и она уже не отстранится...

Но муж не вышел курить на кухню. Он остановился и заглянул за ширму. Улыбнулся и приложил палец к губам.

И ласково шепнул:

– Тише, тише! Спи, доченька!

Поня-я-атно!

Ну, Говоров, значит, еще поговорим...

\* \* \*

В спальню Говоров крался чуть ли не на цыпочках, как в разведку. Опасался – а вдруг жена сбежит в гостиную, ляжет на диване? Что ж ее, силком в супружескую постель тащить?

Нет, Маргарита нашлась на своем месте – в кровати, около тумбочки, на которой горел ночничок.

Говоров так обрадовался, что даже не сразу заметил, что у жены поверх ночной рубашки надет халат.

Он почувствовал себя ужасно неловко в трусах и майке. Хотя что ж, должен спать в галифе, кителе и при орденах, что ли?!

Маргарита на его ордена даже не глянула. Спасибо, хоть сын все перетрогал, о каждом расспросил...

С сыном он мигом наладил отношения. Котька – хороший мальчишка. Забалованный, конечно, не в меру – неладно, когда мальчишек воспитывают женщины! – но ничего, Говоров сделает из него мужика, какого надо! Вот только жену бы улестить...

Ишь, только он залез под одеяло, как Рита отвернулась! Плечики все еще дрожат.

Говорова и раздражал этот затянувшийся приступ ревности, и смешил, и трогал. Раньше он и подумать не мог, что Ритка такая ревнивая. С другой стороны, он никогда не подавал поводов.

Как вспомнишь... Говоров с первого взгляда влюбился, как только увидел Риту в институтской аудитории. Бегал за ней как мальчишка, пылинки сдувал. А она, красавица, королева, с этим своим королевским именем, снисходила до него.

Или не снисходила.

Конечно, Говоров знал, что он был молодец и собой хорош. Говорят, что в мужчине красота – не главное, но девушки все равно смотрят прежде всего на видных парней. Вот таким он был в студенческие годы – видным! Но вокруг Риты этих видных вилось – не сосчитать. Ну, тогда Говоров и решил стать для нее единственным.

Маргарита училась на филологическом факультете в педагогическом институте и жила в общежитии: пять девчонок в комнате. Говоров – он учился там же, на истфаке, но жил у тетки на окраине Ветровска, – от надежных людей узнал, что на Первое мая в этой девчачьей комнате соберется очень теплая компания. Приглашены кавалеры из соседнего железнодорожного института: наиболее, по городским меркам, завидные женишки. Должен был прийти и Виктор Ефремов, самый завидный из всех завидных.

Разумеется, он ухлестывал за Ритой.

Говоров считал его самым главным своим соперником.

Ну, известно, чем такие посиделки в общежитиях частенько заканчиваются. Полежалками, вот чем! К тому же Рита сама рассказывала Михаилу, что девчонки в ее комнате – одна боевитей другой, с парнями гуляют напропалую, а над ней смеются, что недотрога. И Говоров очень сильно опасался, что после этого Первомая Рита перестанет быть недотрогой.

И Виктор ей в общем нравится, и вино-винище свое дело сделает...

Как учили на занятиях в военном кабинете?<sup>1</sup> Если вам известен замысел противника, постарайтесь его опередить, причем на том направлении, где он вашего удара ждать не будет.

Опередить – значит, ударить раньше.

Гениально сказано!

Говоров и ударил. Нанял такси и подстерег Риту у парикмахерской, куда она отправилась перманент делать. Такие волосы портить! Золотая река, а не волосы! А из парикмахерской все девушки выходят на одно лицо, в смысле на одну голову: кудрявые, как пудели! От этой химии, говорят, волосы вообще вылезти могут.

В общем, Говоров решил Маргариту спасти не только от Виктора Ефремова, но и от облысения.

Рита только подошла к двери парикмахерской – а Михаил тут как тут! Цап ее за руку, в машину втащил, рукой махнул: езжай, мол, товарищ, да назад не оглядывайся! – и повез в дом своей тетки!

Он думал, Рита ужасный шум поднимет, а она так перепугалась, что одно твердила: «У меня же очередь пройдет... я ж за неделю записалась к Жоржу Ивановичу!»

Говоров смекнул, что Жорж Иванович – это и есть парикмахер, мастак жечь женские волосы перманентом. Но сейчас было не до Жоржей. Надо дело быстро проворачивать. Потому что если Ритка начнет его, Михаила, проклинать, орать и плакать, он ее, конечно, отпустит.

Что ж он, зверь какой-то? Это в старые времена говорили, мол, стерпится – слюбится, а в наше советское время не может быть любви по принуждению!

Самое удивительное, что все получилось куда легче, чем ожидал Говоров. Условный противник (Рита, значит) был совершенно подавлен умело проведенной артподготовкой. Говоров этим воспользовался и немедленно перешел в наступление – все прямо выложил: и про Витьку Ефремова, и про перманент, и про свои, конечно, планы рассказал. Рита и сама знала, что Говоров на красный диплом идет, – значит, получит хорошее распределение. А может быть, его даже в городе оставят, такие возможности тоже не надо исключать. Сама она, честно сказать, училась так себе, до первой десятки выпускников ей было как до луны. Зашлют в село... Или куда-нибудь на национальную окраину! Само собой, в нашей советской стране учитель на селе – первый человек, да ведь разве сумеет городская девчонка себя сразу поставить как надо? Это только в фильме «Сельская учительница» все красиво выходило, а на самом деле тяжело приходится, даром что кулаков всех повывели. Немало есть еще у нас недостатков. Понятно, что все они будут постепенно искоренены, но до этого еще время должно пройти, а за это время с неопытным, нежным и таким красивым существом женского пола всякое может случиться.

Пока Михаил говорил, Рита смотрела в окно. Потом спросила:

– Что-то я не пойму... Значит, ты меня похитил, чтобы мне не сожгли волосы перманентом и чтобы не пришлось в село по распределению ехать?

Он вопросу так удивился, что даже онемел. И слово-то какое нашла – похитил!

– Ну? – поторопила его Рита. – Чего молчишь? Говори, Говоров! Не оправдываешь фамилию! Тебя скорей можно назвать Молчунов!

– Ну, – проямлил Михаил наконец, – ты можешь что угодно думать, только я не могу допустить, чтобы моя любимая девушка...

– Любимая? – изумленно повторила Рита. – Ты меня любишь, что ли?

– А то как же? – обалдело спросил Говоров. – Ты разве сама не знаешь?

– Любишь? – настаивала она. – Так и скажи!

---

<sup>1</sup> Военные кабинеты (учебно-военные формирования) для подготовки младших командиров и политруков были созданы в 1926–1927 гг. во многих вузах страны. Позднее их стали называть военными кафедрами.



Говоров вспомнил букеты-конфеты и концертно-театральные билеты, которыми так и осыпал Маргариту.

Вот девчонки... Над Михаилом уже все друзья хохочут, а Рита что – без глаз?

Хотя... как же это он забыл? От кого-то слышал фразу, показавшуюся тогда ужасно смешной и нелепой: женщины, мол, любят ушами.

На самом деле это так же гениально, как про опережающий удар по противнику на неизвестном ему направлении!

Ну, тут Михаил свою фамилию оправдал... На всю катушку! И в конце концов Рита сказала, что фамилию ему надо менять на Поцелуев.

Потом призналась, что Михаил ей всегда нравился, но она считала его тухой по сравнению с Виктором Ефремовым. Однако даже Ефремов никогда в жизни не решился бы похитить девушку! А ее похитили... как в кино...

Ну да, нравились Рите решительные парни, что тут еще скажешь!

Вспомнив это, Говоров собрался наконец проявить решительность в налаживании супружеских отношений и тронул жену за плечо.

Она не шелохнулась.

Поцеловал пестренькую баечку халатика, обтягивавшего это худенькое плечо...

Но тут Маргарита так дернулась, что Говорову досталось по носу.

– Рита, ну хватит норов показывать! – воскликнул Говоров. – У меня с сорок четвертого не было никого, клянусь!

Маргарита тихо заплакала, уткнувшись в подушку.

Говоров ждал.

Вот женщины! Непременно надо из мужчины душу вынуть!

Нет, не все такие... не все... или та была одна-единственная?

Зажмурился, чтобы не вспоминать.

Нет ее больше. Что проку мучиться?

Он вернулся домой. К жене.

В это мгновение Маргарита села, повернулась к нему.

Говоров настороженно ждал.

Сейчас обнимет?..

– Так я и поверила! – непримиримо выплюнула Маргарита. – Ты год в Германии был! Тебе там что, фрау пресными показались?

– Перестань так со мной разговаривать! – не выдержал Говоров.

Ну, она будто только этого и ждала. Всхлипнула, стиснула руки на груди.

Говоров сам не мог понять, какое чувство сильнее: то ли злость на жену, то ли жалость к ней. И так хотелось ласки, женской ласки, любви...

А Маргарита покосилась на приотворенную дверь спальни и вдруг ляпнула – с такой ненавистью, что Говоров даже вздрогнул:

– Не могу ее видеть. Не могу! Забирай и отвози в детдом обратно.

Ее трясло от злости.

Говоров стиснул край пододеяльника:

– Чтоб этого слова – детдом – я больше не слышал, ясно?

Маргарита косилась, как на врага народа, и молчала.

Ничего! Надо сразу поставить все на свои места!

Потянулся к планшету, лежавшему на тумбочке возле кровати, открыл, подал Маргарите листок гербовой бумаги:

– У нас теперь с тобой двое детей: Константин и Лилия Говоровы!

Маргарита спросила, глядя на документ с опаской:

– Что это?

Кулаком отерла слезы, шмыгнула носом, начала читать.

«Так, – подумал Говоров, – теперь бы в какой-нибудь окопчик прыгнуть, пока не отбьются...»

– Метрика, – насмешливо произнесла Маргарита. – Говорова Лилия Михайловна!

Ох, сколько яду умеют женщины в самые простые слова подпустить!..

– Отец – ну, это понятно. Мать... – Она запнулась: – Маргарита Говорова?

Повернулась к мужу, уставилась, все еще не веря, что такое возможно, что он не только девочку какую-то, нагулянную невесту с кем, привез, но и записал в метрику свою жену – жену! – как ее мать!

– Ты как это сделал? – выдавила с трудом. – Ты как посмел эту... на меня записать?!

Говоров перевел дыхание.

– Она не «эта». Она наша дочь, и ее зовут Лиля!

У Маргариты даже слезы высохли от возмущения. Сморщилась так, словно ей было не тридцать лет, а девяносто!

– А ты меня спросил?! Спросил, прежде чем такое ярмо на шею вешать?! Как с ней жить? Она же немая! Ненормальная!

Говорову казалось, что каждое слово жены – игла, которую она втыкает ему в сердце.

Хотя, наверное, со своей точки зрения она права...

Да какого черта! Нет никакой точки зрения и никакой другой правды! Лиля – его дочь! Это все, что у него осталось на память о Тасе и их любви!

И девочка останется с ним, а Маргарита от злости пусть хоть узлом завяжется!

Он выхватил метрику у жены:

– Я не спрашиваю, а принимаю решение! И тебе придется смириться. Ясно?!

Сунул метрику в планшеты, лег, отвернулся от Маргариты.

Получил любовь и ласку, фронтовик? Ну и спи бревном!

Маргарита грубо, толкая мужа, перелезла через него, соскочила с кровати, схватила подушку, бросилась к двери, но замерла.

Говоров угрюмо молчал, зажмурившись.

– Ты все испортил! – прорыдала Маргарита. – Ты нашу жизнь поломал! Я тебя так ждала...

Последние слова прозвучали до того жалобно, нежно, что Говоров открыл глаза.

Маргарита плакала, прижимая к себе подушку.

«Вот дурочка, – подумал Говоров покаянно. – Ну зачем так... подошла бы... обняла, поплакала... Все же можно уладить мужу и жене! Наверное, мне первому надо. Ладно, сейчас встану!»

Не успел.

– Забыть никогда не смогу! – процедила Маргарита с ненавистью. – И простить никогда не смогу!

И ушла на диван.

А Говоров надел гимнастерку, сунул ноги в старые, довоенные, суконные тапки и, гремя своим медально-орденским иконостасом, пошел в кухню.

Успокоиться.

\* \* \*

Сосед-доктор жарил картошку на своем примусе. Видно, только что из госпиталя вернулся.

Даже при свете тусклой лампочки было видно, что он белый от усталости.

– Доброй ночи, Евсей Ильич, – буркнул Говоров, стараясь на него не смотреть и скользя взглядом по двум старым этажеркам с кастрюлями.

Вот эта, почти пустая, – соседа. Вторая, заставленная посудой да еще принакрытая кружевной салфеткой (Маргарита норовила эти салфетки кругом да всюду настелить!), – их, Говоровых.

Эх, побелить бы тут... потолок весь черный от примусного чада. Но из Маргариты такой же белильщик, как из Говорова балерина. А сосед – однорукий. Придется, видно, на пару с Егорычем...

– Что, не спится, Михаил Иванович? – весело спросил сосед.

– Да вот... – протянул Говоров. – Нога болит – спасу нет.

Он вспомнил, что, когда садились ужинать, хотел пригласить за стол и Евсея Ильича, однако тот был в госпитале. Надо бы угостить его американской консервированной ветчиной или тушенкой, нормального масла предложить вместо той вонючей «солярки», на которой он сейчас жарит картошку, но все продукты Маргарита унесла в комнату, в буфет, а идти сейчас туда и рисковать снова нарваться на скандал Говоров не мог себя заставить. Да ну их к черту, этих баб!

На столе осталась забытая им и не убранная Маргаритой фляжка, и Говоров обрадовался ей, как лучшему другу.

Вот повезло!

– У одного – рука, – рассудил Евсей Ильич, потрясая своей кожаной варежкой, – у другого – нога.

– Да нога то болит, то нет, – пробормотал Говоров, который терпеть не мог жаловаться. – Осколок, понимаешь...

Налил водку в кружку, взялся за другую:

– Будешь?

– Нет, нет! – отмахнулся Евсей Ильич.

Говоров усмехнулся: как это он забыл, что сосед непьющий? А ведь воевал, да и работает в медицине: уж там всегда есть возможность спиртяшки глотнуть. Но Евсея Ильича можно спокойно оставлять охранником что у бутылки, что у канистры, что у цистерны с любым алко-голем. И в рот не возьмет!

Конечно, для здоровья оно полезней – не пить, а для души – совсем наоборот. Если б не эта забытая фляжка, неведомо, что сделалось бы сейчас с Говоровым.

– А я махну, – сказал он и махнул. Одним большим глотком.

Но до того был взвинчен, что даже водка не взяла. Однако наливаться сразу до краев на глазах у соседа было неловко, к тому же требовалось у Евсея Ильича кое-что спросить.

– Слушай, сосед, тут такой вопрос... – нерешительно начал Говоров. – Дочка моя... ну, наша... после контузии. Не говорит. Не знаешь, лечат такое?

Сосед вздохнул:

– Да, война, война... Обычно говорят, что контузия лечится, если человек попадает в подобную ситуацию. Ну, чтобы клин клином!

– Ну ты даешь! – озадаченно развел руками Говоров. – Это что ж ее – опять под бомбежку?!

– Упаси бог! – махнул на него вилкой Евсей Ильич. – Ну что ты говоришь? Это... ну, просто случай какой-то должен быть, потрясение. Случайность!

– Потрясение... – вздохнул Михаил Иванович, с горечью думая о том, что у его крошечной дочери было, конечно, очень мало потрясений за два года ее жизни.

Столько их было, что и врагу не пожелаешь!

– Ты картошку будешь? – спросил Евсей Ильич.

– Нет, спасибо, – качнул головой Говоров.

– Ну, спокойной ночи.

Сосед, подхватив сковородку, ушел к себе.

Евсей Ильич был человек деликатный и понимающий: видел, конечно, что Говоров не в себе. Разве вернувшийся после пятилетнего отсутствия фронтовик сбежит от жены на кухню среди ночи и вцепится в забытую фляжку с водкой, если у этого фронтовика и его жены все хорошо?.. Однако вряд ли Говоров захочет жаловаться на жизнь, потому Евсей Ильич и ретировался с кухни так поспешно.

Чтобы не мешать соседу утешиться единственным способом, который у него остался.

Сорокаградусным способом.

Лишь только за соседом закрылась дверь, Михаил Иванович выпил снова, зажмурился. Кровь стучала в висках так, что чудилось, будто бомбардировщик заходит на вираж. Легкий фашистский бомбардировщик... вроде того, что разбомбил поезд, в котором ехала Тася с этой маленькой девочкой, тихо лежащей сейчас там, в комнате.

А Тася? Где лежит она? Где зарыли то, что от нее осталось?

Говоров рванул пуговичку нагрудного кармана, достал сложенный листок.

Развернул его и прочел слова, которые давно знал наизусть. Он бы мог и так вспомнить, что здесь написано, но не хотел отказать себе в счастье видеть этот ровненький почерк. Смотрел на строки, написанные Тасей, и словно бы слышал ее голос: «Мишенька, любимый мой! Я молю бога, чтобы ты остался жив. Любовь к тебе – это лучшее, что случилось со мной!»

Говоров зажмурился.

– Эх, Таська, Таська! Лучше бы нас вместе этой бомбежкой накрыло!

Лучше бы их накрыло этой бомбежкой где-нибудь в медсанбате, или в блиндаже, или в лесу. Убило бы, и следа бы от них не оставило! Но они погибли бы вместе. Ну, не вернулся бы Говоров сюда, в Ветровск, в эту квартиру, в эту закопченную кухню, к этим кастрюлям, и к Маргаритиным кружевным салфеткам, и к Маргаритиным скандалам, которым конца-краю не видно...

Чтобы избежать этих скандалов, он вынужден сейчас чиркнуть спичкой и поджечь Тасино письмо.

Она погибла, он жив и должен жить ради своих детей, ради Котьки и Лили... А поскольку Маргарита ни в чем не виновата, а виноват только он, Говоров, ну и война тоже, поэтому он и жжет это письмо.

Тасина любовь буйно пылала в железной погнутой миске, а Говоров рассматривал ту самую фотографию, которую отдала ему заведующая детдомом.

Капитан Говоров – моложе себя нынешнего, подполковника, на три года, а веселее и счастливее настолько, что он сам не сразу узнал свое лицо. Рядом – девушка в пилотке и гимнастерке, с пышной русой косой.

Он и она. Миша и Тася. Два человека, полюбившие друг друга на войне и разлученные этой войной навеки...

– Коса до пояса, – горестно выдохнул Михаил Иванович.

Он часто так говорил Тасе, перебирая вьющиеся светлые пряди:

– Ах моя же ты коса, ты коса до пояса...

Странно, что в ту пору, на фронте, Говоров даже не понимал, что так сильно полюбил Тасю. Там на шашни с медсестричками, санитарками, связистками, девушками из obsługi офицерских столовых и прочим женским персоналом смотрели очень просто. Мужчина не может выдерживать бесконечное воздержание, будь он хоть восемь раз политрук и член ВКП (б). Хотя Говоров очень старался держаться как подобает! Когда друзья-офицеры отправлялись «в рейд под юбку», как это у них называлось, он призывал на помощь воспоминания о Маргарите, о ее стыдливости и сдержанности. Ну, холодновата она была в супружеской постели, Говоров иногда даже стеснялся своего мужского пыла.

Хранил супружескую верность – это да. Всю войну хранил. Сорвался только раз – с Тасей. Она к нему липла как банный лист, вот уж точно! Глазищи свои ясные не сводила, так и норювила поближе к Говорову оказаться. Он думал – девчонка огни и воды прошла, хотя никто из его приятелей не мог похвастаться, что у Таси преуспел. Наоборот – ходили слухи, будто она недотрога. Ну, Говоров тогда еще посмеялся: везет ему на недотрог!

Когда у них с Тасей в первый раз все случилось, он очень удивился. Невинная девчонка (это он мог удостоверить доподлинно!), а столько в ней любовного жара!

Этим жаром она его и приворожила. Душу ему сожгла тем наслаждением, которое он получал от нее в постели. Вроде бы плоть одно – сердце другое, однако в сердце-то ему Тася через плоть пробралась.

Ну что ж, всякое бывает...

Тася никогда не расспрашивала его о семье, но все и так знали, что товарищ политрук женат, что ребенок у него. И речей о будущем – как после войны у нас сложится? – они с Тасей никогда промеж себя не вели. До этого – «после войны» – надо было еще дожить. Оба по опыту знали: не доживали как раз те, которые строили планы. Судьба ведь любит над мечтами смеяться! Вот и Говоров с Тасей ни о чем не мечтали, жили одним днем. Говоров был уверен, что, когда расстанутся, погрустит немного, ну и забудет Тасю. Ну вот и перевели его в другой полк, вот он и уехал, вот и старался ее забыть.

Он там, в спальне, давеча бросил Маргарите, мол, с сорок четвертого года у него никого не было: мол, знай, это я тебе верность хранил.

Какого! Не ей он верность хранил, а Тасе. И не то чтобы очень старался – никто не нужен был, кроме нее.

Потом узнал, что она погибла. Тяжело это пережил. Думал: хорошо, что не видел ее мертвой! Но сейчас чудилось, что стоит на краю ее могилы и бросает на гроб первую горсть земли.

Так и есть...

– Земля тебе пухом, Таська, – пробормотал Говоров и поджег правый край снимка. Там, справа, был запечатлен он – влюбленный и счастливый капитан!

Фотография начала обугливаться, Тасино лицо дрожало в дыму.

Почему он тогда не понимал, насколько сильно любит Тасю? Почему позволил войне их разлучить? Почему она молчала о беременности?! Он бы настоял на том, чтобы ее отправили в тыл. Он бы не допустил этой нелепой гибели!

Говоров словно забыл о том, что Тася погибла именно тогда, когда ехала с новорожденной дочкой в тыл...

Такова была ее судьба. А быть им вместе, значит, была не судьба!

Его судьба – там, за дверью, плачет от обиды и ревности. Его судьба – Маргарита. И ради нее, ради детей – ради Лили, в конце концов, – он должен, должен сжечь этот снимок!

Забыть Тасю...

Пусть все его прошлое достанется этой горькой ночи. А утром начнется новая... старая жизнь.

\* \* \*

Маргарита встала невыспавшаяся, злая, да еще и муж уехал в горьком ни свет ни заря, оставив ей этакое ни с чем не сравнимое удовольствие: кормить приبلудную девчонку завтраком и заботиться о том, чтобы найти ей няньку.

Но вот поди объясни людям, с какого неба упала в семью Говоровых эта дочка! Нет, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Наверное, сотни этих пэпэжэ, походно-полевых жен, этих шлюх фронтовых, возвращаются домой, принося, так сказать, в подоле, вер-

нее, привозя в подоле гимнастерки незаконных детей. Но чтобы с таким приплодом вернулся мужчина! Подполковник! Политрук! Это... это просто непостижимо уму!

И надо же, чтобы так повезло именно Маргарите Говоровой!

А деваться совершенно некуда. Не разводиться же с мужем. Хватит, нажилась одна! Говорова только отпусти – пиявки-змеи-львицы мигом налетят, даже не поглядят, что у него дочка. И с приплодом к рукам приберут!

Значит, и Маргарите надо скрепиться и закрыть на это глаза.

Она старалась, правда... Но девчонка и впрямь оказалась просто ненормальная!

Скажем, подходит утром Маргарита к столу с двумя тарелками каши: несет детям (детям!!!) завтрак. И видит, что Лилька взяла да и уложила в свою кружку с чаем соленый огурец!

Маргарита, конечно, мигом выхватила этот огурец, бросила в миску, к остальным.

Лилька вытаращилась на тарелку с кашей с таким удивлением, будто никогда не видела ни тарелок, ни ложек. Они там что, в детдоме, ели руками из общей миски?!

Да запросто. Если она ест соленые огурцы с чаем, то всякое могло быть!

Тут еще Котька начал капризы разводить: и каша надоела, и горячая она...

– Котя, подуй! – велела Маргарита, косясь на девчонку: та налила чай в блюдце и шумно дула на него, так, что брызги разлетались.

Ладно, чай можно с клеенки вытереть, а вот если она в кашу так подует, ее противную рожу опять мыть придется. Утром Маргарита ее умывала – плевать хотелось, до того противно было до этой приبلудной дотрагиваться. Еще спасибо, что вчера Егорыч девчонку в ванне искупал, пока Маргарита на работе была, а Говоров в военкомат ходил!

Чтобы избавить себя от лишних неприятностей, Маргарита взяла Лилькину тарелку, повозила ложкой, остужая.

Сунула ей ложку с кашей. Девчонка отвернулась, а когда Маргарита приткнула ложку поближе к ее рту, сложила свою рожу в страдальческую гримасу.

Вот маленькая пакостница! Возись с ней, корми ее, трать время и нервы! А она еще кобенится!

Котька наблюдал исподтишка. Темные зеркальные глаза его были непроницаемы.

– Мне папа сказал, это моя сестра, – наконец сказал он.

Говорить на эту тему у Маргариты не было сил.

– Ешь! – буркнула, отворачиваясь.

Но сын не унимался:

– Она что, у нас будет жить?

– Котя, ешь! А то опоздаешь в детский сад. А я на работу! – процедила Маргарита.

– А эта? – мотнул он головой в сторону девчонки.

А «эта» незаметно схватила еще один соленый огурец и громко им хрупала. Рассол капал в чай.

Маргарита стиснула зубы.

Ну, Говоров... Он принимает решения!!!

Слезы так и подкатились к глазам, но вчера Маргарита уж поняла, что проку от слез не будет. Да и сына пугать не хотелось. В ясли хорошо бы определить, но пока дождешься места – времена тяжелые...

Где же взять няньку? Надо будет объявления почитать на домах. А может быть, Евсей Ильич кого-нибудь посоветует? Из своих, из госпитальных.

Только... это что же будет?! Нянька поселится в их квартире? Их до войны было трое в двух комнатах, вчера появилась четвертая – приبلуда, а теперь, значит, еще и нянька будет тут мешаться и совать во все дела Говоровых свой нос, а потом сплетничать с такими же няньками на улице, выгуливая Лильку?!

Одно спасение – если Говорову предложат какую-нибудь руководящую должность и дадут квартиру побольше.

А если не предложат?

– Мама, а ты чего не ешь? – спросил Котя.

Маргарита покачала головой и отправилась к зеркалу – снимать папилыотки.

Что бы такое сделать с лицом? Ведь сразу видно – всю ночь редела! На службе Маргарита Говорова должна появиться счастливой победительницей – и никак иначе!..

\* \* \*

Огромный портрет товарища Сталина был укреплен на фасаде Ветровского горкома партии. Красивое старинное здание, недавно покрашенное и побеленное, сияло чистотой. Милиционер у входа, взглянув на документы Говорова, сказал, что пропуск его готов и товарищ первый секретарь приказал идти к нему напрямиком, не задерживаясь.

Товарища первого секретаря звали Дементий Харитонович Шульгин, и Говоров знал его еще с довоенных времен. Молодой аспирант Шульгин преподавал сначала на рабфаке, где учился Михаил, а потом вел на истфаке курс истории Древней Руси. Говоров писал под его руководством дипломную работу: «Русская правда» Владимира Мономаха как основной источник регулирования правоотношений в раннем феодальном обществе». Кроме того, Шульгин от партбюро курировал работу институтского комитета комсомола. Михаил был членом комсомольского бюро, активистом, и, несмотря на десять лет разницы в возрасте, они хорошо подружились, были на «ты» и часто проводили время вместе, то на рыбалке, то в театре, который оба очень любили, то просто за длинными разговорами обо всем на свете.

Дементий был в курсе эскапады с «похищением» Риты и готовился прикрывать друга, если бы вся эта история окончилась скандалом и вышла наружу. Он же стал свидетелем на их свадьбе, потом вместе с Михаилом забирал Риту из роддома, помогал с ремонтом в новой квартире, проводил у них все праздники (сам-то был одинок), а когда его назначили первым секретарем райкома, взял Михаила после окончания института на должность инструктора...

– Будем вместе работать! – говорил тогда Дементий. – Будем поддерживать друг друга.

Ни поработать, ни поддержать друг друга они особо не успели – началась война, оба были призваны. В середине войны Маргарита написала мужу, что Шульгин после тяжелого ранения комиссован, вернулся в Ветровск и работает теперь в горкоме партии. А потом стал и первым секретарем горкома.

– Разрешите? – спросил Говоров, входя и прикрывая за собой дверь.

– Разрешаю! – отозвался Шульгин, не поднимая головы от бумаг, но улыбаясь так, как мог улыбаться только он один.

Конечно, Говоров знал, что четыре года войны не могут пройти бесследно для человека, знал, что он и сам изменился, но Дементий постарел сильно. Он был все так же статен и очень красив, элегантен, как киноартист, в дорогом костюме и при галстукe (Михаил помнил, как перехватывало дыхание у однокурсниц, когда аспирант Шульгин поднимался на кафедру, и как шелестел ему вслед восхищенный девичий шепоток, когда он шел по институтскому коридору), однако выглядел гораздо старше своих сорока лет. Вот только улыбка осталась прежней – ослепительной.

– Товарищ первый секретарь горкома! – радостно отрапортовал Говоров. – Прибыл в твое распоряжение!

– Я тебя, чертяку, – Шульгин пошел к Говорову, опираясь на тяжелую черную палку, – с прошлого года дожидаюсь!

Говоров порадовался, что свою палку оставил дома, набрался сил дойти без нее. А то были бы... пара хромых, запряженных с зарею! Смех один.

Обнялись.

– Да ранило меня, – весело оправдывался Говоров. – Десятого мая, представляешь? Все победу празднуют, а я в госпитале. Ну, подлатали. А потом остался. Помогал немецким товарищам партийную работу налаживать!

– Осведомлен! – кивнул Дементий, сияя глазами и откровенно любуясь другом. – Ну, Миха... ну, красавец! Орденов, медалей – портреты малевать! А меня, друже, зацепило под Киевом. От гангрены нога загорелась – еле спасли! Да комиссовали в конце сорок третьего. Обидно было до злости!

Тяжело ступая, Шульгин вернулся к столу.

– К черту! Присаживайся!

Говоров подтащил к себе стул, оглядывая кабинет. Ну что ж... все как подобает! Стоячие часы у двери, тяжелая дубовая мебель, такие же панели, строгие обои, зеленое сукно стола, бронзовая лампа, три разных портрета Иосифа Виссарионовича... Впечатляет. Если не Кремль, то где-то рядом! Хотя Шульгин и в Кремле может оказаться: умный, хваткий, соображучий и везучий, даром что получил тяжелое ранение и не дошел до Берлина.

До Берлина не дошел, а до Кремля дойдет!

– Читай! – велел в это время Шульгин, кивнув на плакат.

На плакате был запечатлен Сталин в шинели и фуражке, позади реяло красное знамя, а наверху были напечатаны слова: «Кадры решают все!»

– Кадры решают все! – повторил Говоров. – Сталин.

Дементий смотрел с улыбкой:

– Вот именно! Лозунг большеющего социального и политического смысла! Поэтому, друже, не хрен прохлаждаться: есть мнение доверить тебе промышленность! Принимай станкостроительный завод!

Говоров растерянно откинулся на спинку стула.

Из боя в бой, значит.

Ну что ж, не привыкать!

– Завод только что из эвакуации, – продолжал Шульгин с сокрушенным выражением. – Черт знает что творится. Цеха надо восстанавливать, социалку – людям негде жить. План не дают, а меня область за горло берет. Поднимать завод надо! Вот это и есть первая и главная задача!

– Понял, понял, – кивнул Говоров, и Шульгин широко улыбнулся:

– Как же я рад, что ты вернулся!

Говоров только покашлял смущенно.

Дементий достал из стола бутылку коньяка, стаканы.

– Михас! Мы еще с тобой землю потопчем, не пропадем! – сведя крутые брови и помахиная правой рукой, словно держал трубочку, произнес Шульгин с характерным акцентом, да так похоже, что Говоров глаза вытаращил: – Сэйчас такие врэмена, что чэлавэк чэлавэка дол-жен дэржаться вместе! Ты жэ мой чэлавэк?

Говоров хохотал, чуть смущаясь. Уж больно ловко Шульгин передразнил товарища Сталина! Конечно, с большим уважением, но... Да ладно, они тут вдвоем, никто этого не видел и не слышал.

– Твой, твой, Дементий, – сказал он, словно клятву принес.

Шульгин взялся наливать коньяк:

– Рассказывай! Как жена, как сын?

Говоров покачал стаканом, вздохнул.

Он все расскажет Дементию. Тот поймет. Он всегда понимал!

Расскажет... Но не сейчас. Потом когда-нибудь.

– Все хорошо, – улыбнулся Говоров. – Все хорошо.



Чокнулись, выпили.

– Так что переезжай в новый дом, – приказал Шульгин, – и начинай работать!

\* \* \*

Смотреть новый дом Говоровы отправились в тот же день, потому что назавтра Михаилу Ивановичу предстояло уже выходить на работу.

Маргарита была в ужасе: она надеялась на большую городскую квартиру, а их везут по раздолбанной дороге куда-то на окраину, в деревню, глушь!

Какая-то тетка в платке без всякого страха перегнала через дорогу стадо коз прямо под носом у черного «Опеля», который с удовольствием вел Егорыч.

«Виллис» – это, конечно, лихая машина, думалось Маргарите, но для фронта. А для мирной жизни, чтобы возить работника горкома партии, нужно что-нибудь поавантажней!

Говоров поглядывал то на хмурую жену, то в окно. Ну, велика страна! Несколько дней назад, когда он был в детдоме, откуда забирал Лилю, вокруг уже вовсю зеленели леса и рощи, а здесь, в центре России, едва-едва проклевывается лист на деревьях, да и трава выглядывает так несмело, словно побаивается возвращения холодов.

Говоров, честно говоря, тоже был озадачен, когда Дементий сказал – переезжай в новый дом. С другой стороны, ему, судя по всему, придется дневать и ночевать на станкостроительном заводе, а не на горкомовских совещаниях штаны просиживать. Завод здесь неподалеку, поближе, чем горком. Ну, посмотрим, посмотрим...

Забор вокруг дома оказался весь порушен, зато нашлись «крепко» запертые на палочку ворота, которые с готовностью, лишь «Опель» показался на подъездной дороге, бросился открывать седобородый дедок в меховой жилетке, валенках и треухе – вылитый Щукарь из книжки «Поднятая целина», которой в свое время зачитывался Говоров. От чего и от кого дедок мог что бы то ни было остеречь, было совершенно непонятно. Да и что тут охранять? Кому понадобится это несуразное строение с мезонином, с островерхой башенкой над флигелем, ободранное, обшарпанное, с окнами, забитыми досками так давно, что эти доски прогнить успели...

Маргарита вышла из машины и увидела на фронтоне еле различимые цифры: 18..., обозначающие дату постройки... И немедленно вынесла приговор:

– Здесь же невозможно жить! Дом вот-вот развалится!

А Костя таращился на дом с восторгом, словно на сказочный дворец.

Лилия, оставшаяся в машине, дремала.

– А вот это вы зазря, дамочка! – возразил дедок, назвавшийся Степаном. – Этот дом построил в тысяча восемьсот... затертом каком-то году купец из местных. Ох и богатый был! Конезавод держал тут, неподалеку. Одним словом, капиталист и эксплуататор, по-нынешнему говоря. Но и гуляка был знатный – заграницы, рестораны, девочки, цыгане... Слаб был на женский пол!

Маргарита, которая слушала все это с нескрываемой скукой, при последних словах ожилилась:

– Как и все мужчины. Да, Говоров?

Голос ласковый, аж приторный. Таких «мягких» иголочек она в него за день воткнула – не сосчитать.

Михаил Иванович делал вид, что не слышит. Пускай Маргарита изощряется. Чем больше яду из себя выплеснет, тем меньше останется. Это от бессилия. Понимает же, что придется смириться с тем, что случилось. И хоть на Лилю она по-прежнему не обращает внимания, ни про какие детдома больше не заговаривает. И, между прочим, надела новое весеннее полупальто, привезенное Говоровым, новый берет и новые перчатки...

Так что пускай язвит. Все равно дело идет к примирению, он это чувствует!

– Егорыч, за Лилей присмотри, – попросил Говоров, направляясь вслед за женой к дому.

Егорыч понимающе прищурился:

– Пусть поспит!

Степан, обрадовавшись случаю поговорить, теперь уже не унимался:

– Это место у нас страшным называется. Женщина тут самоубийством покончила!

– Как это? – приостановилась Маргарита.

– А приехал как-то купец прямиком из Парижа и застал свою жену с управляющим. Заревновал сильно! Так их обоих и не нашли... – Степан сделал страшные глаза: – Сказывали, его утопил вон там – я потом вам покажу, если хотите.

– Ой, нет! – отмахнулась Маргарита. – Спасибо!

– А жена не выдержала и повесилась. Вон в той комнате! – Степан показал на заколоченное окно в мезонине, затянутое сухими плетями дикого винограда. – Ну, купец не стал это дело обнаруживать, не стал ее хоронить, а, сказывают, в этой комнате и замуровал.

– А что это – замуровал? – с живейшим интересом спросил Костя.

– Котя! – возмутилась Маргарита, оттаскивая сына от дома, и Говоров решил ее поддержать.

– Слушайте, вы нам детей не пугайте, товарищ, – усмехнулся он.

– А я не пугаю, – обиделся Степан. – Чистую правду сказываю. Еще будто бы она напроорила там чего-то... но это в деревне бабы вам расскажут. Там что-то такое про любовь... Да спросите кого хотите про Дом с лилиями!

– С лилиями? – удивился Говоров.

– А лилии здесь при чем? – раздраженно спросила Маргарита.

Говоров отвернулся, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

– А дама та, – с удовольствием объяснил Степан, – очень цветы любила. Особенно – лилии!

Честно говоря, загадочный дом с первого взгляда пришелся Говорову по душе, а после этих слов понравился еще больше.

– Ну что ж, – весело сказал он, – дом с лилиями – так дом с лилиями! А у нас своя Лилия есть. Десятый сон, наверное, видит!

Маргарита аж споткнулась!

И вдруг грохнуло неподалеку.

Взрыв! Другой!

– Мама! – заорал Костя, бросаясь к Маргарите.

Говоров посмотрел неодобрительно: что за парень, чуть что – к мамкиной юбке бежит! Что уж так бояться-то? Взрывы доносятся издалека.

– Да чего всполошились? – ухмыльнулся и Степан. – Это мины вон выковыривают.

– Михал Иваныч! – раздался в это время крик Егорыча, и он выбежал из-за угла, неся на руках Лилю. – Михал Иваныч!

– Что такое? – встревожился Говоров.

– Она только что от взрывов проснулась, – возбужденно рассказывал Егорыч, – и сказала: «Страшно!» Слово сказала!

Он вскинул Лилю повыше, затормозил – и она неуверенно вымолвила:

– Поздравляю с Победой. Папа...

– Слышишь? – заорал Говоров изумленно, поворачиваясь к жене.

Маргарита рассмеялась.

Этот ее смех обрадовал Говорова чуть ли не больше, чем дочкины слова. Неужели все улаживается, в самом деле улаживается?..

– Тихо, тихо, тихо! – замахал руками на остальных. – А ну, скажи что-нибудь еще! – восторженно уставился на дочку.

– Котя, мама, папа, Люлька, – отчеканила Лиля. – Поздравляю с Победой!

– Котя, мама, папа, Люлька! – радостно заорал Говоров, недоверчиво ощупывая дочку. – Ты слышишь, Егорыч? Ай да доктор! Именно об этом говорил!

Чмокнул дочке руку, потом схватил Маргариту в объятия, поцеловал.

– Ну-ка! – Он смотрел на Лилю, как на фокусника. – Скажи что-нибудь еще!

– Рано радуешься, Говоров, – процедила Маргарита, которая, конечно, не могла так быстро сдаться. – Нам про этот дом такие ужасы рассказали!

– А я в эти рассказы не верю! – заявил Говоров. – Мы здесь кто? Материалисты! Наведем порядок, приберемся, правда, Егорыч?

– Конечно! – воскликнул верный водитель, радуясь, что в семье его политрука вроде бы воцаряется мир.

Ну а как же! Все рано или поздно улаживается! Он так и говорил Михаилу Ивановичу, а тот сомневался!

– Будем жить! – провозгласил Говоров. – Степан! Открывай дом!

Взял дочку у Егорыча:

– Смотри! Заговорила! Люлька!

Пошел к крыльцу, скомандовав своим:

– За мной!

Костя первым ринулся вслед.

Маргарита помедлила, оглядывая разрушенный фасад.

Ужас, конечно... Но Говоров теперь работает в горкоме... наверное, ему помогут с ремонтом. И няньке, между прочим, здесь куда легче найти комнатуху, чем в городской квартире!

Там, на крыльце, хохотал Говоров, что-то лепетала Лиля, верещал очень довольный «сказочным замком» Котя.

Маргарита покорно вздохнула и пошла к ним.

\* \* \*

Спустя шесть лет никто и вспомнить не мог, что этот дом стоял когда-то чуть ли не в руинах. Сияли стекла, особую красоту и изысканность придавали восстановленные витражи, причудливые башенки украшали крышу, роскошная терраса выходила в сад, а перед фасадом, у крыльца с ажурными перилами, расстиралась огромная клумба, на которой цвели лилии. Именно к ней первым делом бросилась восьмилетняя девочка в школьной форме, только что появившаяся из-за угла в сопровождении няни Варвары Трофимовны. Всю дорогу из школы девочка весело рассказывала о том, что завтра после уроков класс пойдет на экскурсию в ботанический сад и что там, очень может быть, удастся увидеть новые сорта лилий. Она обожала эти цветы, в честь которых была названа, и лучшим подарком для нее были луковицы новых сортов. В этой болтушке с косичками было совершенно невозможно узнать ту стриженную наголо девочку, онемевшую после контузии, какой она впервые попала в этот дом. О той малышке напоминали только ясные светлые глаза и родинка на щеке. А между тем это была она, Лиля Говорова!

Лиля присела на корточки перед клумбой и осторожно коснулась лепестка нежно-розовой лилии.

– Смотри... Маргаритка расцвела!

Варвара усмехнулась. Лиля все свои цветы называла женскими именами и разговаривала с ними, как с живыми людьми. Ну и конечно, самая красивая была названа именем Маргариты Говоровой.

Красавицы неопикуемой!

– Какая ты у меня милая, – прошептала Лиля. – Какая ты у меня ласковая!

Варвара тихонько вздохнула. Вот уж какой-какой, а милой и ласковой хозяйку не назовешь. Но Лилечка ее обожает. Молиться на нее готова!

– Ты моя Маргаритка, – приговаривала Лиля. – На маму будешь похожа! Станешь такой же красивой, как моя мама!

Варвара снова вздохнула и пошла в дом.

Странная женщина Маргарита Васильевна! Сына Костю обожает, пылинки с него сдувает. Избаловала вконец. На дочку ноль внимания. А девочка-то какая чудесная – сама чистая лилия! Еще ладно, что отец, товарищ Говоров, на дочку не надышится. И за себя, и за мать ее любит. Ну и Варвара, и Егорыч, личный шофер Говорова, души в ней не чают.

При воспоминании о Егорыче Варвара печально взглянула на настенный календарь. На днях уехал Егорыч в отпуск, к родне в деревню, а без него в доме как без рук, ей-богу! Хозяин-то вечно на службе, Костик в школе, да и не станешь же хозяйского сына или самого хозяина просить починить сломанную табуретку или прочистить дымоход! А Маргарита ворчит, что из печки в столовой дымом тянет. Когда же Егорыч-то вернется, уж скорей бы!

\* \* \*

Поезд, которым добирался Егорыч, был из тех послевоенных «пятьсот веселых», собранных из старых пассажирских вагонов и военных теплушек, которые всюду шустро по всем железным дорогам страны. Ходили они без особого расписания, однако каким-то хитрым образом люди всегда знали и во сколько этот хитрый поезд на станцию прибывает, и когда отправляется.

На самом деле пошло это название от какого-то пятьсот восьмого поезда. Уж никто и не припомнит, по какому маршруту он ходил, однако то стоял бесконечно долго, пропуская скорые да товарняки, то несея как бешеный, да так, что от тряски у пассажиров душа вон. Так и окрестил его народ «пятьсот веселым». А потом так же стали называть все «народные» поезда, ходившие вне всякого расписания.

Ехать оставалось еще двое суток, на станции Хладово предстояло простоять самое малое час, и Егорыч решил сходить в чайную. Все пироги, которые испекла ему на дорогу Варвара, он уже приел, остался только черствый хлеб. Теперь небось не война, чтоб только сухарю радоваться, можно в чайной и пельмешек поесть, и винегрету...

Поезд остановился, народ посыпался из вагонов – кто размять ноги, кто за нужным делом, кто поесть.

Егорыч заспешил к зданию вокзала.

Уже семь лет после победы прошло, большие города отстраивались, украшались, хозяйство налаживалось, а здесь, в глубинке, по-прежнему было не найти ни дорог, ни особой чистоты.

Ох и в обшарпанном же строении разместился Хладовский вокзал! Вокруг все позаросло бурьянищем, из которого разило, как из сортира. Видать, проезжий люд всюду использовал это место для удовлетворения естественных надобностей. Поглядел на это Егорыч, повел носом – да и раздумал в чайную идти. Страшно подумать, чего там подают! Однако же одноногий инвалид застрял в дверях, Егорыч помог ему проташиться через разбитый порог на костылях, довел до пустого столика, морщась от густого табачно-водочно-пивного духа, и двинулся было

к выходу, решив продержаться до конечной точки своего маршрута на хлебushке да кипяточке, как вдруг его взгляд, рассеянно скользнувший по буфетной стойке, так и замер.

Худенькая буфетчица в кружевном передничке и наколочке на пышных волосах, окружавших ее бледное лицо буйным светлым облаком, взяла у покупателя деньги, бухнула на стойку две пивные кружки. Вид у нее был заморенный, взгляд безучастный.

Егорыч смотрел, глазам не веря.

Не может быть такого сходства... Правда, у той девушки была пышная коса, но вокруг головы таким же светлым облаком реяли кудри, которые было не удержать никакими шпильками и приколками, пилотка с них вечно сваливалась...

Да не может быть!

Или может?

– Таська? – не выдержал он. – Ты, что ли?

Девушка подняла усталые глаза – серые, ясные... Ох, посмотрелся Егорыч в такие же глаза за последние годы, только те глаза были веселые, а не грустные, любопытные, а не равнодушные, живые, а не погасшие, сияющие – детские!

Лилины глаза.

Лили, дочки Таськиной.

Погибшей Таськи...

А она, выходит, жива?!

Выходит, так...

Тася шепнула что-то на ухо напарнице, показывая на Егорыча, но все внимание той было всецело поглощено очередью, пивными кружками, рюмками «беленькой», влажной, липкой мелочью и замусоленными денежными бумажками, поэтому она только покладисто кивнула.

Тася выбралась из-за стойки, подвела Егорыча к столику в углу, под табличкой: «Служебный. Не обслуживается!» – и села напротив, комкая фартук и поглядывая на старинного знакомого не то с радостью, не то с опаской.

Он расстегнул верхнюю пуговку рубашки – жарко было, душно, дым так и висел в воздухе. Кругом галдели во весь голос, силясь перекричать репродуктор.

– Таська, – усмехнулся Егорыч, – как же ты тут, в таком шуме-гаме?

Она вяло махнула рукой, и голос ее звучал вяло, устало:

– Да я как-то... Я сначала плохо слышала из-за контузии, а потом привыкла. – Обвела равнодушным взглядом людскую сутолоку: – Тут жизнь кипит, люди меняются. Так и не замечаешь, что ты одна. У меня же после войны не осталось никого.

Егорыч все глазам не верил, смотрел на нее да головой покачивал.

– Чего ж замуж-то не вышла? – спросил с подначкой.

Тася только плечами пожала да глаза отвела.

Егорычу не надо было объяснять!

– Конечно! – воскликнул гордо. – Поди найди такого, как наш товарищ политрук!

– Да и не искала я, – медленно проговорила Тася. И уставилась на Егорыча молящими глазами: – Егорыч, миленький... ты же знаешь что-то про Мишу? – И, словно спохватившись, поправилась застенчиво: – Про товарища Говорова?

– Жив-здоров! – радостно сообщил Егорыч. – Жив-здоров Михаил Иванович!

– Ясно, – пробормотала Тася. – Хорошо. Слава богу... Главное, здоров...

Егорыч смотрел и головой покачивал. Война людей не жалела, не баловала, он всякого навидался, но что осталось от прежней Таськи, от этой веселой пташки-милашки, которая, бывало, летела навстречу товарищу политруку с выражением такого счастья в огромных серых глазах, что даже у сторонних наблюдателей сердце шемило и ни у кого не поворачивался язык бросить привычное похабное словцо... Люди даже не завидовали этим двум – только улыбались растроганно, глядя на ошалелую от любви пару. И Михаила Ивановича война пригнула,

слов нет, и война, и послевоенное – все, что навалилось на него огромной тяжестью и дома, и на службе, но Таська-то... Вот уж правда, после той бомбежки выбралась из-под вагонных обломков одна только тень ее, равнодушная ко всему на свете.

Конечно, одна-одинешенька, все на свете потеряла.

Не все! Ведь стоит ей только узнать про Лилу...

Стоп, Егорыч. Притормози!

И жалко Тасю до того, что сил нет, и... стоит только представить, что случится, если она нагрянет в Ветровск! Все кувыркком пойдет у Говоровых. А Лилечка как же?.. Выдернет ее Таська из семьи и увезет... куда? В жалкую комнатушку при вокзальной чайной?

Таська изменилась. У нее не только язык малость заплетается – видать, контузия до сих пор сказывается, – у нее и лицо какое-то... полумертвое. Будто на все она рукой махнула. Будто ничего ей в жизни не надо.

А может, и впрямь не надо? А хлопоты о подросшей дочке – тем более?

Егорыч прикусил язык.

Тася тупо смотрела в стол. Вдруг какая-то женщина, сидевшая на соседнем стуле, тронула ее за руку:

– Слушай, присмотри за ребенком. А?

На руках она держала младенца, запеленатого в темное одеяльце.

– Я только за дом выскочу, а то невольно уже! – пожаловалась женщина.

Тася отпрянула:

– Я не умею!

Женщина посмотрела изумленно: мол, чего уж тут такого хитрого – ребенка на руки взять?

– Да он спокойный!

И, вскочив, уложила младенца на руки Таси.

– Сколько ему? – спросила Тася.

– Два месяца, – быстро ответила женщина и со всех ног припустила к выходу.

Тася беспомощно заморгала, но дитя к себе все-таки прижала и даже робко покачала, когда оно вдруг закричало.

Прошептала:

– Тшш! Тшш! – и откинула белый краешек простынки с крошечного личика.

Егорыч вытянул шею, посмотрел.

Ну, младенец как младенец, ротик, носик, глазки. Они ведь все на одно лицо, на мордашку на одну!

Тася вдруг чуть слышно замурлыкала какую-то колыбельную без слов. Трогала мизинцем курносый носишко, щечки...

Егорыч взглянул на ее лицо.

У нее только губы дрогнули – а у него сердце сжалось. Уже совсем другое лицо стало вдруг у Таси! Живое! Но столько боли на нем...

– Моей Лилечке было чуть меньше, – хрипло выговорила Тася. – Погибла она. Поезд разбомбило.

Она все эти годы считает дочку погибшей, прикинул Егорыч. А горе по-прежнему сжимает ей горло!

– Погибла? – пробормотал он. – А... погибла ты, нам сказали!

Тася пожала плечами: жива, мол, да проку-то что в такой жизни?

Она молчала, но Егорыч все ясно понял, будто сказано было.

Заволновался, заерзал, стиснул руки:

– А что ж ты, если ты его по-прежнему так любишь, что ж ты не искала-то его?

Тася глядела с таким удивлением, будто Егорыч ляпнул глупость несусветную:

– Что ты, я же знала, что у него семья!

Покачала ребенка, улыбнулась:

– Я и на фронте ни на что не надеялась. Просто любила – и все. Да и дочку нашу я не уберегла.

Господи ты боже, да в какой же угол жизни себя эта скромница задвинула? Совсем крест на себе поставила. Готова заживо паутиной покрыться, только бы своему милому жизнь не испортить.

От нее только облако волос осталось, от прежней...

И тут Егорыч не выдержал:

– Дочку, говоришь, не уберегла? А ты знаешь, Тася? Ты ведь ничего...

Он осекся: подошла та женщина, которая ребенка оставляла:

– Спасибо вам огромное! Спасибо!

Взяла дитя свое и ушла. А Тася смотрела вслед, и лицо ее, только что живое, снова мертвело, снова паутиной покрывалось на глазах у Егорыча.

Он понял: вот эти несколько минуточек, пока держала младенчика, Тася снова чувствовала себя матерью, которая нянчит ребенка от любимого, незабываемого человека. А теперь ее опять осиротили.

Да разве ж можно смолчать?!

– Может, я и не должен, не должен тебе этого говорить, – выпалил он, – но только живая... живая ведь твоя дочка! Живая! – перевел дыхание и продолжал дрожащим голосом: – Мы с товарищем политруком еще в сорок шестом отыскивали! Она теперь в его семье живет. Говорова... Лилия Михайловна! Вот так вот!

Тася ни слова не сказала, только глаза стали огромными на бледном лице. Зажала рот рукой...

Егорыч тяжело вздохнул. Ну, сказал. А что теперь-то будет?! Ох, Михаил Иванович, подвел тебя твой верный шофер!

А может, и нет?..

Ну, проживем – увидим!

\* \* \*

Косте Говорову и вспоминать было неохота, что раньше он жил в городе, в каких-то тесных комнатухах коммуналки. Если приходилось за чем-нибудь ездить с родителями на старую квартиру, он чувствовал там себя как в клетке и не мог дожидаться, когда Егорыч отвезет их обратно в Дом. Про себя Костя так и называл его мысленно – Дом, с большой буквы. Во-первых, настоящий дворец, во-вторых, еще и сад при нем такой огромный – дремучий лес, а не сад! Сколько там укромных уголков, чтобы сооружать шалаши, устраивать засады и пугать Лильку, разводить костры и печь картошку, а не сидеть чинно-блинно за столом с салфеткой, подвязанной под подбородком!

Косте Говорову было тринадцать лет, и он жаждал полной свободы от мамок-нянек. К счастью, сад позволял оставаться одному сколько угодно и делать что угодно. Например, выяснять, что случится, если в огонь бросить винтовочный патрон.

Костя развел небольшой костерок и полюбовался патронами. Их было пять штук. Четыре пригодятся на будущее, а один – для опыта.

Он бросил патрон в огонь, опустил на корточки и подсел к костру. Дым ел глаза, но Костя подобрался еще поближе и внимательно смотрел, как краснеет, раскаляясь от жара, головка патрона.

И вдруг...

Михаил Иванович, который пил чай в саду, торопливо пролистывая газету, услышал пальбу. Прислушался, пожал плечами: в лесу кто-то стреляет, что ли? И тут увидел сына, который еле брел, прикрывая одной рукой глаза: в грязной рубашке, весь чумазый, окровавленный, обожженный... Глаз заплыл!

– Котя... сынок... – пробормотал Михаил Иванович, задыхаясь. – Что случилось?!

– Я хотел салют приготовить, – всхлипнул Костя.

– Салют? – Говоров в панике ощупывал, осматривал сына. – Какой салют?!

Разжал его стиснутый кулак, увидел, что там, и спросил ошеломленно:

– Ты что, патроны в костер бросал?!

Мальчишка неловко пожал плечами.

– Тебя же убить могло! Ты что, не понимаешь, что ли? – И Говоров заорал что было сил: – Маргарита! Варвара!

Пришла с террасы, где, по обыкновению, читала, Маргарита:

– Что случилось?

Бросив взгляд на сына, она схватилась за сердце:

– Костя! Что это? – Кинулась к нему: – Кровь?!

– Кровь, кровь! – зло передразнил Говоров.

Варвара примчалась из кухни, принесла мокрую салфетку, Маргарита взялась отирать лицо сына. Костя взвыл.

Говоров смотрел на эту картину с жалостью и в то же время с отвращением:

– Он патроны в костер бросал! А вы куда смотрели?!

– Ой, недоглядели! – запричитала Варвара, втихомолку подумав, что беда, конечно, произошла не маленькая, однако хозяин вечно упрекает, что хозяйка с домработницей больно уж ретиво «хороводы» вокруг Кости водят. А стоило на минуточку отвернуться – вишь, как надсаживается!

– Недоглядели?! – «надсаживался» Говоров. – Да он погибнуть мог!

Его аж трясло от злости. Бабы своими «хороводами» сделали из мальчишки полного идиота!

– Ты где взял патроны, а?!

– Л-лилька дала! – заикаясь, выкрикнул Костя.

Варвара всплеснула руками: откуда у девочки могут быть патроны, что ж так врать-то?! Ах ты, Котинька-Коток... Ну а Маргарите Васильевне, конечно, только дай! Ух, как заверещала!

– Вот видишь! Это все твоя Люлька, а ты на мальчика насел. Ты посмотри, там же кровь!

Говоров только головой покачал. Вроде умная женщина его жена, но при этом – дура дурой!

– Константин, я жду, – прорычал Говоров. – Ты где взял патроны?!

Костя покосился из-под материнских рук, так и порхающих над ним с салфеткой, и понял: снова врать опасно.

– В школе. Лёха у папахена стыбзил.

– У папахена? – снова заорал Говоров. – Что за блатняк такой?!

– Не кричи! – Маргарита смотрела на мужа как на врага. – Котя, Котя...

– Значит, так! – Говоров стиснул кулаки. – Со двора ни ногой. Возьмешь Пушкина – к завтрашнему дню выучишь наизусть. Про попа и про Балду!

Костя в ужасе смотрел одним глазом поверх головы припавшей к нему матери.

Говоров окончательно рассвирепел. Ну, сынуля! Вымахал выше мамки да тятки, а ума нет! Вот правда что – толоконный лоб. К тому же врун!



– Еще раз наговоришь на сестру – выпорю! – вынес приговор Говоров. – Еще раз наврешь – выпорю! Увижу патроны – выпорю! Варвара! Отведи его в комнату, приведи в человеческий вид!

Толстуха приобняла Костю, бормоча:

– Господи, ну как же ты нас напугал! Ну как же тебя угораздило-то?

Маргарита плакала, но потихоньку: громко рыдать, видя мужа таким разгневанным, опасалась.

Варвара и Костя тем временем поднялись на крыльцо и столкнулись с Лилей, которая, размахивая скакалкой, бежала в сад. Увидев раненого брата, так и схватилась за него:

– Котя! Что случилось? Ну Котя!

– Доигрался твой Котя, – проворчала Варвара, в очередной раз подумав, что в этой семье все не по уму: девочка и мамашу, и брата ну просто обожает, а они на нее – фыр да фыр! Котья, вишь, и ответа ее не удостоил, а минуту назад перед отцом оболгал. Еще слава богу, что товарищ Говоров – человек понимающий, сына насквозь видит: вмиг смекнул, что врет. А вот коли бы при одной Маргарите Котья это сказал, Лиле досталось бы, ой досталось!

– Ох, – простонал Михаил Иванович, хватаясь за сердце. – Помру я с вами!

Маргарита испуганно обняла его. Лиля в ужасе смотрела на родителей. А Костя мстительно оглянулся на девочку: «Все из-за тебя! Почему отец вечно за нее заступается?! И еще «Балду» учить, ужас!»

Сколько Костя себя помнил, так у них в доме и было. Отец его, конечно, очень любит, но к Лильке у него особенное отношение. Еще спасибо, что у мамы все наоборот. Для мамы он – первый в мире! А Лилька – так себе. Наверняка мама тоже обиделась, что отец сразу бросился Лильку защищать. Значит, она только одобрит то, что намерен сделать Костя!

План мести сложился мгновенно, и предвкушение ее было таким сладостным, что даже израненное лицо меньше стало болеть. Костя немножко побаивался, что перепуганная мама уляжется спать в его комнате на диванчике – так всегда бывало, стоило ему заболеть, ну, простудиться там или расстройство желудка подцепить. Однако повезло: поворковав над «Котиком» и «сынулей» и холодно бросив в сторону комнаты дочери: «Лиля, спать немедленно!» – Маргарита ушла в свою спальню.

Костя приотворил дверь и проверил: свет у родителей вскоре погас, и в Лилькиной комнате погас тоже. Тогда он осторожно подошел к окну и увидел, что желтого прямоугольника на траве уже нет: значит, Варвара выключила свет в своей комнате на первом этаже.

Костя обулся и отправился мстить!

Когда неслышно крался мимо спальни сестры, вдруг послышался какой-то звук из-за Лилькиной двери. Плачет, что ли, потихоньку?..

Ничего, скоро громко заплачет!

Ключ в замке скрежетнул, дверь пискнула, крыльцо закрипело... Почему, интересно, этих звуков не слышно днем?!

Луна бледнела в черном небе, совы кричали в лесу... Страшно!

Это из-за Лильки Костя трясется в трусах и майке по ночной прохладе, а заодно и от страха! Все из-за нее!

Он прыгнул в центр клумбы с лилиями и принялся скакать по ней, приговаривая:

– Жил-был поп, толокенный лоб. Пошел поп по базару поискать кой-какого товару. Навстречу ему Балда – идет, сам не зная куда. «Что, батька, так рано поднялся? Чего ты разыскался?»

Костя осекся – издали донесся лай собак. Соседские небось. Ух, разошлись! Лаем весь дом поднимут! Отец сейчас как выглянет в окно...

Нет, лучше не рисковать.

Жаль, конечно, что дело не доделано, штук пять лилий еще торчат, но пора смываться.

И Костя помчался в дом, бормоча:

– Поп ему в ответ: «Нужен мне работник: повар, конюх и плотник. А где найти мне такого, служителя не слишком дорогого?»

Ну, заодно и стишок повторил, подумал Костя, завтра без ошибки отцу отгарабаню! А может, забудет спросить?..

\* \* \*

Нет, напрасная была надежда: собираясь на службу, за чаем отец, по обыкновению установившись в газету, первым делом потребовал прочитать ему «Балду».

Костя покорно зачитал:

Жил-был поп,  
Толоконный лоб.  
Пошел поп по базару  
Посмотреть кой-какого товару.  
Навстречу ему Балда  
Идет, сам не зная куда.  
«Что, батька, так рано поднялся?  
Чего ты взыскался?»  
– «Нужен мне работник...»

– Стоп, – мрачно свернул газету отец. – Отставить! «Поп ему в ответ...» Давай сначала. С чувством, с толком, с расстановкой!

Варвара, протиравшая тряпкой балясины перил лестницы, ведущей на второй этаж, сочувственно вздохнула. А Костя чуть не застонал. Ну почему он не унаследовал отцовскую память?! Папа ну прямо какой-то уникал! Ну когда он этого Балду учил? Небось в средней школе еще. И все равно помнит лучше, чем сын, который зубрил стихотворение весь вечер и, можно сказать, всю ночь!

Жил-был поп,  
Толоконный лоб.  
Пошел поп по базару  
Посмотреть кой-какого товару.  
Навстречу ему Балда  
Идет, сам не зная куда.

Наверху лестницы раздались быстрые легкие шаги. Лилька примчалась!  
Костя занервничал:

«Что, батька, так рано поднялся?  
Чего ты взыскался?»

– Всем доброе утро! – прокричала Лиля, расцеловала отца и, бросив брату: – Толоконный лоб! – вылетела на крыльцо.

Костя тараторил, наострив уши:

«Нужен мне работник:  
Повар, конюх и плотник.

А где найти мне такого  
Служителя не слишком дорогого?»

– Папочка! – донеслось отчаянное.

Отец сорвался со стула.

Если бы раньше Косте кто-то сказал, что в голове могут одновременно мелькнуть две мысли, он бы не поверил. Однако подумалось враз: «Так ей и надо!» И: «Ой, что сейчас будет!»

– Папа, кто-то лилии растоптал!

На Лилькин крик бросились все: и отец, и Варвара, и мама примчалась – легкая, красивая, нарядная, с сияющими золотыми волосами...

Костя осторожно выглянул в окно.

Отец держал Лильку на руках, мама пыталась поднять цветы. Она была очень огорчена, и Костя вдруг вспомнил, что клумба с лилиями ей очень нравилась.

Может, зря он все это устроил?..

– Это, наверное, соседские собаки напакостили, – заявила Варвара.

– Соба-аки? – ехидно протянул отец. – Только собаки в ботиночках были. И на очень знакомых каблучках! Костя! Иди сюда!

Отсиживаться бесполезно, это Костя отлично понимал. Надо сделать такое лицо... как это называется... непроницаемое, вот какое! Мол, я тут ни при чем!

Вышел на крыльцо.

Мама подбежала, схватила за руку, с надеждой заглянула в глаза:

– Костя, это ведь не ты сделал, правда?

– Нет, – буркнул он, и мама радостно заявила:

– Это не он!

– Не он? – нахмурился отец, схватил Костю за плечо, пригнул к разоренной клумбе: – Посмотри, посмотри, кто это сделал, ты?

Он посмотрел исподлобья и отвел глаза.

Мама бросилась вперед, заслонила:

– У тебя всегда во всем Котя виноват!

Ох, до чего же противно ему было выглядывать из-за маминого плеча! Как будто он дезертир, который хочет отсидеться в окопе, когда все товарищи в атаку пошли и закрывают его своими телами!

Отодвинул маму, выступил вперед.

Лилька плакала:

– Они все повяли!

– Значит, так, сын, – мрачно проговорил отец, – я сейчас уезжаю, а вечером... вечером я с тобой очень серьезно поговорю.

И ушел в дом – собираться на службу.

– Хорошие мои! – всхлипывала Лилька над цветами. – Хорошие мои!

Мама бросилась обнимать сына. К Лильке даже не подошла, отметил Костя. Ну есть хоть кто-то, кто его, именно его любит больше всех на свете!

– Думаешь, мамочка, мне не обидно? – бросил Костя обиженно. – Почему он только меня всегда и ругает? Как будто я не сын его, а неизвестно кто! Все для своей Лильки! Ненавижу ее!

И ринулся в дом.

Мама бежала следом, твердя:

– Но это не ты, правда?

Не то его спрашивала, не то себя уверяла...

Варвара только вздохнула, проводив их взглядом. Увидела, что Лиля пытается поднять цветы, и подала ей несколько прутьев, чтобы укрепить их. Конечно, толку не будет, стебли у цветов сломаны, но пусть хоть до вечера постоят.

Лилечка, бедная, так огорчена... А Маргарита-то Васильевна хоть бы обняла дочку, хоть бы приласкала! Нет, вокруг Котеньки, все вокруг него...

– Здрасьте, тетя Варвара! – услышала она веселый юношеский голос и обернулась.

Сережка! Племянник! В руках удочка, сачок, ведро. С рыбалки идет!

– Как дела, Карамелька? – присел Сережа на корточки рядом с клумбой.

Лилия глянула букой:

– Почему это я карамелька?

– Потому что я люблю конфеты, – пояснил Сережа. – А самая любимая конфета – это карамелька!

Варвара усмехнулась. Ну, Сережка! Еще и пятнадцати нет, а какие песни девчонкам поет! Хорошо, что Лилечка еще маленькая, не понимает. Да и не существует для нее ничего, кроме ее любимых цветов!

Вот – выбрала несколько самых красивых да и убежала. Наверное, в воду решила поставить. И правильно, там они хоть несколько дней еще проживут, сладким ароматом порадуют.

– Вот, – Сергей подал тетке ведро с карасями. – Угости своих ущицей.

– Ох, спасибо, – обрадовалась Варвара. – Ну, пошли, я тебя покормлю.

А Лилия тем временем взбежала на второй этаж, промчалась по галерейке, постучала в запертую дверь спальни родителей:

– Мама! Мамочка, открой! Я тебе цветочки принесла, чтобы у тебя красивей было!

Никто не отвечал.

Лилия осторожно толкнула дверь, вошла, огляделась.

До чего в спальне красиво! У них во всем доме хорошо, но эта комната – как у сказочной принцессы! Подушки кружевные, покрывало шелковое, у ламп абажуры, разрисованные розами, на комод – красота неопишемая! Флакончики с духами, статуэточки, просто прелесть! Папин портрет, Котина фотография – он там еще маленький, смешной такой. А Лилиной фотографии нету. Наверное, потому что места на комод больше не осталось... А вот и ваза!

Лилия поставила в нее цветы. Подумала, что надо бы воды, конечно, налить. Принести в ковшике и налить. И тут взгляд скользнул по хрустальной вазочке с украшениями. Жемчужный браслет... Вот же красота!

У мамы кожа белая, матовая, совсем как этот жемчуг. Станет ли Лилия когда-нибудь такой же красавицей?.. Ну хоть бы немножечко оказаться похожей на маму!

Лилия открыла шкатулку и надела жемчужное ожерелье. Честное слово, теперь чуть-чуть похожа! Надо только губы маминой помадой накрасить – и уже почти не отличить! Теперь духами побрызгаться...

Лилия покрутилась перед зеркалом. Очень хорошо, но... слишком уж она маленькая, ее и в зеркале-то почти не видно.

Ой! Мамины туфли!

Живо сбросила свои баретки, впрыгнула в красные замшевые туфли на высоченных каблуках.

Как красиво! Даже лучше, чем Золушкины хрустальные башмачки!

– Лилия! – послышалось вдруг из-за двери. – Ты опять в моей комнате?

Лилия так и обмерла. Она совсем забыла, что мама почему-то терпеть не может, когда она сюда заходит!

Надо скорей все положить на место!

Потянула с шеи ожерелье... Но нитка порвалась, и жемчужины раскатились по полу.

– Я же запретила... – Маргарита вошла в комнату – и онемела, увидев свой жемчуг рассыпанным по ковру, а рядом Лилию... Лилёнку эту приبلудную с накрашенными ее, Маргаритиной, помадой губами, благоухающую ее драгоценными духами, в ее туфлях... Вот-вот каблук сломает!

Нет, а ожерелье! Ожерелье-то!

Схватила девочку за руку, рывком оттащила от комода.

Лилия бросилась за вешалку, спряталась за отцовский китель, висающий на плечиках:

– Мамочка, прости! Я больше никогда, никогда не буду сюда заходить! Я больше не буду!

Маргарита вытащила ее из-за вешалки, швырнула на кровать, схватила ремень Говорова. И принялась хлестать Лилию с внезапно прорвавшейся яростью и ненавистью. Она так давно подавляла эти чувства, а ведь они истерзали ее! Ревность, не иссякающая ревность к этой девочке, к той любви, которую не скрывал к ней муж!

– Дрянё! Ненавижу!

– Мамочка! Мамочка!

Крики разносились по всему дому.

Варвара в кухне залилась слезами, а Сергей без раздумий бросился на второй этаж и ворвался в комнату.

Упал на кровать, прикрывая собой Лилию, даже не замечая, что последний удар пришелся ему по спине:

– Маргарита Васильевна, вы что?! Так ведь убить можно!

Встал, взял девочку на руки:

– Лилия, тише, это я, Сергей.

– Ты что здесь делаешь? – гневно выкрикнула Маргарита, но Сергей уже убежал, унося Лилию.

Маргарита недоверчиво посмотрела на широченный офицерский ремень в своей руке и залилась слезами. Упала на колени, уткнулась в покрывало:

– Господи! Что я делаю?!

В это время Говоров, который уже отъехал было от дома, спохватился, что забыл портфель в столовой. Так расстроился из-за Котыкиной выходки... Пришлось возвращаться.

Но в столовой портфеля не оказалось. Вот здесь же вроде оставлял... Наверное, домработница куда-то убрала.

– Варвара! – сердито позвал он. – Где мой портфель?!

И замер, увидев Сергея, который, с Лилей на руках, сбегал по лестнице, бормоча:

– Все хорошо, все хорошо, не волнуйся, я тебя никогда в обиду не дам!

Михаил Иванович не верил своим глазам:

– Это что?!

Дочка вся в слезах, на Сергее лица нет...

– Да что случилось?!

Лилия, всхлипывая и задыхаясь от слез, пробормотала:

– Я хотела только цветочки мамочке подарить... – И зачастила, перепугавшись изменившегося лица отца: – Мамочка не виновата, мне не больно!

– Что не больно? – тупо спросил Говоров, но взглянул на исхлестанные руки, плечи дочери и все понял.

– Так...

Ринулся наверх через две ступеньки.

Маргарита рыдала, стоя на коленях у кровати. Говоров заметил, как ее затрясло, когда он вошел... но он заметил и свой широкий ремень, который валялся на полу.

Поднял его:

– Ты этим ее била?

Маргарита встала, попятилась – да так и села на постель, с ужасом глядя на ремень в руках мужа:

– Ты что, женщину позволишь себе ударить?

– Ты не женщина, – с ненавистью бросил Говоров. – Ты чудовище!

Маргарита подавилась от ярости, но тут же взвизгнула: Говоров занес ремень... и дважды в бешенстве хлестнул по постели.

Маргарита залилась слезами.

– Я-то думал, бабье у тебя сердце, – простонал Говоров. – Ну хоть что-то шевельнется в нем. Пожалеешь девчонку! А ты...

Швырнул ремень на пол и с таким выражением, как будто еле удерживался от того, чтобы не задушить Маргариту, приказал:

– Завтра же, при всех, попросишь у дочери, – он подчеркнул это слово, – прощения!

Маргарита почувствовала, что у нее перекашивается лицо.

Ах так... Ну, нет!

Хватит! Достаточно она притворялась добренькой маменькой!

– Я ее ненавижу! – почти провыла, затравленно глядя в глаза мужа. – И унижаться не собираюсь!

Михаил Иванович только головой покачал:

– Ты слышала, что я сказал.

Маргарита так и жгла его глазами.

Он вышел.

Маргарита опустила голову.

Хоть повесься, делать нечего... А может, к утру Говоров отойдет? Может, смягчится? Может, все как-нибудь уладится?

Наутро за завтраком, когда дети наперегонки ели кашу (Лиля, уже успокоившаяся, повелевавшая, ни за что не хотела отставать от Кости!), Михаил Иванович косо поглядывал на жену.

– Кофе подавать? – спросила Варвара, диву даваясь, до чего же нынче хозяйка красивая. Нарядилась к завтраку так, словно в театр сейчас пойдет! Черное шелковое платье, кружевной воротничок, золотой кулон на шее и волосы золотой волной... Ну глаз не отвести! Лицом-то королева, а вот сердцем... Ох, беда!

Между тем Маргарита, почувствовав взгляд мужа, отложила ложку.

Да, зря она надеялась, что все уладится...

– Все! Я первая! – радостно закричала Лиля.

– Да она все по тарелке размазала! – возмутился Костя, давясь своей кашей.

Лиля вскочила, подбежала к отцу:

– Мне можно идти?

– Нет, Лилечка, – ответил тот, звеня ложечкой в стакане. – По-моему, мама хочет тебе что-то сказать.

– А что? – с любопытством оглянулась она.

Маргарита вытерла рот салфеткой. Ну не могла она, не могла!.. Но делать было нечего.

Наконец проговорила холодно:

– Я была не права.

Слова не шли с языка.

– И?... – проговорил муж.

Да что он ее понукает, как лошадь!

– Ты извини меня, Лиля, – выдавила Маргарита.

А Лиля так и бросилась к ней, обняла, поцеловала в душистую щеку:

– Мамочка! Я тебя люблю! Очень-преочень!

Маргарита мстительно взглянула на мужа: мол, видишь, ничего страшного и не произошло, зря ты меня заставил унижаться! – и погладила Лилю по голове.

– Ну что ж, – сказал Говоров, спокойно окинув взглядом свое семейство, – с этим вопросом мы покончили. На повестке дня вопрос следующий. Я определил Константина в Суворовское училище. Там его воспитают полезным членом общества, а не маменькиным сыночком!

Костя растерянно хлопал глазами.

– Нет! – возмутилась Маргарита, машинально поправляя манжеты Лиле. – Мальчик никуда не поедет!

– Поедет, – сурово произнес Говоров. – Это мое слово, и переиначивать его я не буду.

– Костя! – бросилась к брату Лиля, обняла. – А хочешь, я с тобой поеду?

– Нет, Лилька! – разнял он ее руки. – Мне самому нужно. Я ведь не маменькин сынок!

– Ну, как хочешь! – Лиля убежала из столовой.

– А если тебя что-то не устраивает, Маргарита, – спокойно продолжал Говоров, – можешь перебраться в город.

– Куда?! – презрительно спросила Маргарита. – В коммунальную квартиру?

Костя испуганно водил глазами от отца к матери. Он ненавидел, когда родители ссорились. Ну, хоть от их ссор он теперь точно будет надолго избавлен!

Между прочим, когда первая растерянность прошла, он даже обрадовался. Суворовское училище! Выйдет оттуда офицером! Да это же здорово! Сколько мальчишек об этом мечтают, как о величайшей награде! А мама почему-то решила, что это наказание. Женщины вообще ничего не понимают. Молодец, папка!

– Ну что ж, – поднялся из-за стола Михаил Иванович, – мы завтра уезжаем. Я в командировку – на месяц, а Костя в училище! Варвара, спасибо. Все было очень вкусно!

Костя с жалостью посмотрел на мать:

– Да мам, не волнуйся! Я с удовольствием буду там учиться!

Маргарита опустила глаза. Варвара, исподтишка косясь на хозяйку, убирала со стола.

Все правильно! Коте ежовых рукавиц очень не хватает! Вот только Лилечку жалко. Останется одна с Маргаритой Васильевной, отец-то ведь тоже уедет. А хозяйка – никогда не знаешь, с какой ноги она встанет!.. Придется Варваре за девочкой повнимательней присматривать. Уж она Лилечку в обиду не даст. Ну и Сережка – тоже не даст!

\* \* \*

Михаил Иванович вернулся из командировки к столу, заваленному папками и бумагами. Новые циркуляры, приказы и распоряжения, докладные, письма... И все требовало внимания, само собой, немедленно.

Секретарь, Руфина Степановна, одобрительно посматривая на статную фигуру директора, выглядевшего еще более внушительно в габардиновом плаще с широкими подкладными плечами, отметила его усталое лицо, запавшие глаза и посочувствовала:

– За месяц столько работы у вас накопилось...

Говоров хмуро кивнул.

Руфина Степановна вздохнула. Конечно, по-хорошему все оставить бы на завтра, а сейчас пусть Михаил Иванович съездит домой, хоть немного передохнет. И как же нехстати эта назойливая посетительница!.. Сейчас Руфина Степановна очень жалела о своей уступчивости, о том, что пообещала этой незнакомой женщине немедленно доложить о ней, лишь только Говоров появится. Но теперь делать нечего. Да и ее жалко, бедняжка измучилась совсем!

– Михаил Иванович, – робко начала Руфина Степановна, – тут вас женщина какая-то спрашивала. Целый месяц каждый день приходила... – Выглянула в коридор, крикнула: «Товарищ Говоров приехал!» – Может, примете ее?

Михаил Иванович вздохнул. Руфина Степановна нравилась ему именно своей человечностью. У некоторых сослуживцев в приемных такие, прямо скажем, церберы женского рода сидят, что даже близко случайных посетителей не пускают, не то чтобы с мольбой в голосе просить кого-то принять. Михаил Иванович всегда смотрел на таких мыр с отвращением, хотя с ним-то они были заискивающе любезны, что особенно раздражало. Но сейчас, после этой изматывающей поездки, Говоров не отказался бы от именно такой церберши в своей приемной. Чтобы спровадила всех подальше, в том числе какую-то там женщину, чтобы он мог уехать домой, поздравить Лильку с днем рождения, глотнуть винца, принять душ, а потом посидеть за накрытым столом с семьей и друзьями...

«Только на один вечер выдайте цербершу, ну пожалуйста, – попросил Говоров неизвестно кого. – А завтра пусть снова в приемную возвращается человеколюбивая и всем сочувствующая Руфина!»

Эх...

Можно, конечно, и самому рявкнуть: мол, утром, пусть приходит завтра утром! Но неохота разочаровывать преданную и верную Руфину, которая видит в своем начальнике суший идеал.

Обременительно это – быть идеалом...

А куда денешься?!

– Приму, приму, – покорно вздохнул Говоров, снова потихонечку взмолившись невесть кому, чтобы дело у этой женщины было какое-нибудь простенькое и легко решаемое.

Ну где она там?

Говоров поднял глаза.

В дверях стояла Тася.

Мгновение они молча смотрели друг на друга, потом Говоров недоверчиво выкрикнул:

– Таська!

Этим криком у нее будто ноги подрубил – неловко плюхнулась на стул, стоящий у двери.

Говорова тоже не держали ноги – упал перед ней на колени, схватил за руки:

– Тася! Ты! Жива!

Она вдруг побелела, закинула голову, начала сползать со стула.

Говорову показалось, что Тася умирает, что он опять потеряет ее, только что найдя!

– Руфина Степановна! – заорал что было сил.

Секретарь влетела в кабинет. Глаза круглые – и от страха, и от любопытства.

– Руфина Степановна, что-нибудь... – взмолился Говоров, ничего не соображая от волнения и растерянности.

В общем-то, его секретарю тоже никогда еще не приходилось приводить в чувство женщин, теряющих сознание в кабинете ответственного руководителя.

– Может быть, нашатырь? – пролепетала Руфина испуганно.

– Да! – вскричал Говоров.

И, пока Руфина Степановна бегала за нашатырем, нетерпеливо бормотал:

– Тасенька... сейчас...

Ощупывал ее, оглядывал, с болью замечая, какая худая она, изможденная, как плохо одета: какой у нее нелепый, громоздкий, словно с чужого плеча, пиджак, какое застиранное платьишко, штопанные выцветшие чулки, стоптанные баретки...

Как тяжело Тася жила! Скучно... Но – жила! Вот что главное! И жива, и будет жить. Теперь он ее никуда от себя не отпустит!

Примчалась Руфина Степановна с нашатырем.

Тася от едкого запаха вскинулась, рванулась было куда-то, но Говоров подхватил ее на руки:

– Тише, тише!



Она была еще словно в полусознании, не понимала, что происходит, только таращи́лась на него недоверчивыми изумленными глазищами. А когда Говоров усадил ее на диван, они еще какое-то время ничего не могли сказать, только трогали, трогали друг друга, как слепые, словно не доверяли глазам.

Секретарша, не чуя под собой ног от удивления, убралась из кабинета, деликатно прикрыв дверь, но Говорову было сейчас совершенно все равно: даже если бы весь горком партии выстроился рядом, он бы все равно никого не замечал, кроме Таси.

– Таська! Я ведь думал, что больше тебя не увижу! Неужели это ты?!

– Миша... – выдохнула она наконец. – Миша...

Он целовал ее, тискал в объятиях, а она только бормотала почти бессмысленно:

– Миша... какое счастье, слава богу, Миша...

Говоров вдруг почувствовал, что теряет голову. Так это всегда было, стоило рядом оказаться Тасе, ее рукам, ее губам. И она так жадно тянется к нему, и всего-то и нужно, что повалить ее на широкий кожаный диван...

– Подожди, подожди! – приказал он не то себе, не то ей, отстраняясь и вскакивая. – Подожди. Ну-ка, дай хоть посмотреть на тебя!

Глаза ее, эти глаза, от которых невозможно отвести взгляд...

И вдруг Говоров ахнул:

– Таська! А где коса?!

Она растерянно потрогала облако своих буйных кудрей, словно только сейчас вспомнила, что подстриглась:

– А, коса... Ах моя же ты коса, ты коса до пояса! Помнишь?

– Помню.

Говоров снова ринулся к ней, однако приостановился и невероятным усилием воли заставил себя сесть на стул, а не на диван рядом с Тасей.

– Я все помню, что с нами было.

А Тася заметила, что он посторонился, заметила!..

– Я знаю, я страшная, – сказала виновато. – Старая!

– Нет! – блаженно разулыбался Говоров, снова и снова лаская глазами любимое лицо.

– Я после контузии плохо слышу, – сказала Тася, и Михаил Иванович наконец обратил внимание, с какой странной медлительностью она произносит слова. – Считай, вернулась с того света... – Вздохнула, словно набираясь сил, и с болью спросила: – Мишенька, где Лиля? Мне Егорыч рассказал...

Егорыч?! А ведь ни словом не обмолвился! Как же он мог...

Хотя Егорыч еще не вернулся из отпуска. Телеграмму прислал – мол, заболел. Потому и не обмолвился.

– Лиля? – Помня о Тасиной контузии, Говоров чуть ли не кричал, подкрепляя свои слова жестами: – С Лилькой все хорошо! Она здорова! Выросла! В школу уже ходит! А сегодня...

– День рождения, – перебила Тася.

– Да, – кивнул Говоров.

Тася потянулась к нему, поцеловала:

– Миша, спасибо... Спасибо тебе, что ты не оставил мою дочку в детдоме! – Прижала его руку к губам: – Спасибо!

Говоров вырвал руку, схватил Тасю за плечи, заглянул в глаза:

– Так она же и моя дочь! Я ее очень люблю!

У Таси вдруг заметался взгляд, лицо сделалось испуганным, напряженным. И Говоров понял, почему!

– Ты... – с запинкой произнес он, – ты ради Лильки приехала? Ты ее забрать хочешь?

Тася отвела глаза.

Что ему сказать? Она приехала ради них обоих, ради этого мужчины, которого любила беззаветно, и ради той маленькой девочки, которую она знала всего два месяца. После встречи с Егорычем думала только о том, как они увидятся – все трое, и только об этом мечтала, опьянялась этими мечтами, но отчуждение, вдруг мелькнувшее в глазах Михаила, – только что жарких, любящих глазах! – отрезвило, как холодная вода, выплеснутая в лицо...

Все будет непросто. Все будет очень тяжело!

– Я хочу ее увидеть, – твердо сказала Тася. – Ты не можешь мне помешать.

– Увидишь, – кивнул Говоров, поднимаясь со стула.

Они прошли мимо изнемогающей от любопытства Руфины Степановны, и Говоров впервые не попрощался с ней, уходя домой.

Оказывается, Тася привезла подарок Лиле – куклу с такими же пышными, буйными кудрями, как у нее самой, и, пока автомобиль мчался из города по проселочной дороге, еще более ухабистой, чем шесть лет назад, Говоров поглядывал то на эту куклу, то на Тасины кудри, и втихомолку радовался, что пышные пряди заслоняют от него ее похолодевшее, побледневшее, отчужденное лицо.

– Люлька считает своей мамой Риту, – объяснил он. – Мою жену. Я ее даже в метрике так и записал.

Тася молчала. Молчала, как мертвая.

– Тасенька, ну я же тебя похоронил! – взмолился Говоров. – Я же не знал! Ну почему ты не объявлялась?! Все могло быть по-другому!

– Я была уверена, что дочка погибла и нас больше ничего не связывает, – наконец промолвила Тася.

– Эх! – с болью выдохнул Говоров, отворачиваясь к окну.

Вот как, значит? Их ничто не связывает? Ничто?! А он... а у него будто половину сердца оторвало, когда он о Тасиной гибели услышал!

– Я ведь с самого начала знала, что у тебя семья, – сказала Тася.

– Да-да, – уныло вздохнул Говоров. – Семья...

\* \* \*

А его семья готовилась встречать своего главу и праздновать Лилин день рождения.

В саду, в тени резных кленовых листьев, был накрыт стол. Играл патефон. Маргарита, разодетая, как всегда, так, словно собиралась самое малое на премьеру в театр, раскладывала вилки. Нарядная Лиля и Варвара принесли пироги.

– Какая помощница выросла, да, Маргарита Васильевна? – радовалась Варвара.

Маргарита промолчала, но, помня, что в саду, в беседке, сидят гости, которые ее видят, заставила себя одобрительно улыбнуться.

Лилия перевернула пластинку. Это был самый любимый ее вальс – «Воспоминание». Очень хотелось потанцевать, потанцевать с папой, но папы еще не было, поэтому она обняла Маргариту и попыталась покружить ее.

В туфлях на высоченных каблуках той было не слишком-то ловко на мягкой земле, Маргарита хотела стряхнуть с себя Лилины руки, но перехватила взгляд Дементия Шульгина и принялась сама кружить Лилю, изобразив на лице счастливую «материнскую» улыбку.

Надо, конечно, смириться, ведь никуда от этой Лильки не денешься. А Шульгин – мало того что первый секретарь горкома партии, да еще и лучший друг Михаила, оттого вечно сует нос куда не надо. Еще ляпнет что-нибудь, мол, Маргарита не слишком-то ласкова с дочерью! А она еще не забыла тот чудовищный скандал, который устроил Михаил накануне отъезда в командировку. Нет уж, она умеет учиться на ошибках... Но какая же мерзкая судьба! Любимый

сын сослан в Москву, в Суворовское училище, а Маргарита вынуждена приспособливаться к девчонке, которую ненавидит, заискивать перед ней!

– Ну что, Маргарита Васильевна, – деловито сообщила Варвара. – Кажется, все готово! Зовите гостей!

Маргарита пошла к беседке, откуда раздавался веселый голос Шульгина, по обыкновению имитирующего гортанный говор вождя:

– А сэйчас, товарищи, рэкомэндую – хванчъкара! Грузинскиэ друзья прислали! Мэжду прочым, любимое вино самого товарища Сталина! За товарища Сталина!

«Ох, какой он неосторожный, Шульгин! – подумала Маргарита. – Конечно, Евсей Ильич наш близкий друг, но эта дама, с которой пришел сам Дементий, и этот старинный приятель Михаила... ох, никогда не знаешь, какими они окажутся на поверку, все эти близкие люди и старинные приятели! А у женщины этой вообще вид такой... будто она здесь не в гостях, а на задании!»

Гости выпили.

– Что-то Миша задерживается, – с тревогой сказала Маргарита.

– Ешъкын кот! – не унимался Шульгин. – Завтра жэ он будэт вызван на ковёр и будэт отвечать по всей строгости!

Гости чувствовали себя явно неловко, отводили глаза.

Маргарита с трудом изобразила улыбку:

– Давайте все пройдем к столу!

– Мамочка! – Лиля, сидевшая на перилах, соскочила и бросилась к Маргарите. – Шульгин, сядь! Мамочка, давайте папу подождем.

– Согласэн! – провозгласил уже изрядно напробовавшийся хванчъкары Шульгин. – Слово именинницы для мэнэ – закон. Но с тэбя танэц!

Маргарита стиснула зубы. Шульгин с этой девчонкой носит как с писаной торбой. Своей семьи нет, вот и балует Лильку. С Костенькой-то он так никогда не возился!

Нет, ну куда это дело годится?! Первый секретарь горкома выплясывает под руку с девчонкой на лужайке! Смотреть противно, никакого уважения к своему общественному положению! Вот и Лилька обращается с ним, как с подружкой, честное слово. Называет просто Шульгин да на «ты»...

– Ну хорошо, – обреченно вздохнула Маргарита, во что бы то ни стало желая, чтобы последнее слово осталось за ней. – Давайте танцевать!

Она неловко, увязая каблуками в траве и земле, закружилась с другом Михаила, Евсей Ильич пригласил Варвару...

Тем временем «Победа» Говорова остановилась у ограды Дома с лилиями.

Говоров помог Тасе выйти, машинально взяв у нее кудрявую куклу.

– Так, значит, мы к воротам не пойдем, – бормотал суетливо, – здесь дыра в заборе, мы незаметно...

Тася растерянно следовала за ним.

– Чтoб никто не видел! – предостерег Говоров, раздвигая поломанные штакетины. – Тася, давай!

Она послушно скользнула в щель забора. Говоров протиснулся следом.

Тася держалась за его руку, и на какой-то миг ей показалось, что они там, в прифронтовом лесу, и Михаил ведет ее в тот укромный уголок, где они находили минутку припасть друг к другу, чтобы налюбоваться всласть. В одно из тех блаженных мгновений и была зачата Лиля...

Говоров замер. Тася наткнулась на него, очнулась от воспоминаний.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.